

ЛОВУШКИ МЕГАПОЛИСА / ГОРОДСКОЙ ДЕТЕКТИВ

Почти идеальная семья

РИНА

ОСИНКИНА

Может быть, нам
просто не до конца
рассказывают
истории?

Рина Осинкина
Почти идеальная семья
Серия «Ловушки мегаполиса.
Городской детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61083563

Р. Осинкина. Почти идеальная семья: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2020

ISBN 978-5-04-109200-9

Аннотация

Конечно, Валерия Бурова была, мягко говоря, не в восторге, когда на пороге ее квартиры появилась двадцатилетняя нахалка Юлия. Девушка заявила, что она дочь ее мужа, о существовании которой он все эти годы не подозревал. Да и сам Леонид от подобной новости опешил, однако не смог выгнать новоявленную дочь из дома и начал всячески ей помогать. С этого все и началось: недомолвки, недопонимание, ссоры в семье, а потом Леня и вовсе ушел на работу и не вернулся. Валерия оказалась на распутье – стоит ли разводиться или все-таки надо искать непутевого супруга, чтобы вернуть в супружеское гнездышко? А может быть, причина его исчезновения – вовсе не измена, а кое-что пострашнее?..

Рина Осинкина

Почти идеальная семья

© Осинкина Р., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Дочь в его жизни возникла 6 июля. Он хорошо запомнил дату, так как именно в этот день на растрескавшемся цементном полу забитого кирпичным ломом полутемного нежилого подвала обнаружили Славку Тимохина, вернее то, что когда-то Славкой являлось.

Тусклый свет стекал из широкого пролома в перекрытии между подвалом и первым этажом незавершенного и никогда уже не могущего завершиться здания гигантского спорткомплекса, строительство которого было затеяно как раз в канун великой всесоюзной перестройки, и освещал тело, пролежавшее в духоте бетонного мешка не менее суток, так сказали подъехавшие менты. Сказали предположительно, естественно. И естественно, никаких игр в тот день уже не проводилось, как, впрочем, и в последующие.

Был ли Славка ему другом? Пожалуй, да. И еще Тимохин был хорошим мужиком – без второго дна, истеричных амбиций и патологической тяги напакостить по мелочи ближ-

нему, каковой нынче в среде успешных наемных служащих страдают многие.

Но Леонид почему-то не удивился, когда, пройдя за ворота комплекса и заметив испуганную нервозность ребят из охраны и кого-то еще из сервисной службы, узнал о случившемся. Хотя для вышеперечисленных не несчастьем это являлось, а гнусной подставой, реально грозящей увольнением, судебным преследованием, лишением лицензии и прочее, и прочее.

Леонид подоспел как раз к тому моменту, когда тело Тимохина, упаковав в скользкий черный полиэтилен, вытягивали на ремнях к свету, но Тимохину это было все равно.

Лёня постоял возле полосатой ленты, отделявшей место тимохинской смерти от прочего мира, послушал, о чем переговариваются опера и что им талдычит в ответ местный распорядитель Генка Балыкин, отбиваясь от цепких вопросов.

По всему было видно, что в подвал Тимохин свалился этажа этак с третьего, раскроив себе череп и переломав конечности, а туда игрокам вход строжайше был запрещен. Члены пейнтбольного клуба при поступлении давали администрации расписку, что поставлены в известность об опасности обрушения и прочих катастроф, в связи с чем обязуются выполнять правила безопасности и перемещаться только в отведенных для игры местах.

Видимо, Тимохин, вопреки правилам, решил осмотреть с высоты пространство боя, чтобы заранее наметить укрытия

и ловушки.

Оправившийся от потрясения Балыкин бодро втирал ментам, что «Вымпел» – это спортивный клуб, а не режимное предприятие, поэтому никакого учета входящих-выходящих не ведется, а предъяви просто на КПП членский билет и следуй дальше. Чисто случайно тело обнаружили, считай, повезло. А то на такой жаре... Но клуб реально ни при чем! И рвался показать расписки.

Долговязый опер, задрав голову, рассматривал крошащиеся оконные проемы и языки балконных плит и какие-то металлические хлипкие конструкции на уровне четвертого этажа, оставшиеся от строителей. На наружных карнизах зеленили мелкими листочками молодые то ли топольки, то ли осинки, укоренившиеся в худосочном грунте многолетней пыли. Местами высота здания достигала шестого этажа, изредка только второго или третьего, кое-где часть стены отсутствовала вовсе, демонстрируя сторонним зрителям бетонные внутренности с лестничными пролетами, лифтовыми шахтами и перекрытиями между этажами. Крыши не было совсем, поэтому здание сильно напоминало крепость на дальней римской окраине после успешного штурма варваров.

Этот долгострой вместе с прилегающей площадкой в свое время кто-то предприимчивый выкупил, огородил высоким забором, выстроил проходную и раздевалку, повесил при въезде табличку «Пейнтбольный клуб «Вымпел», и на этом

все его затраты закончились, если не считать закупку средней паршивости спортивного инвентаря, который выдавался в прокат на сезон или на конкретный турнир. Но уважающий себя пейнтболист на игру приходит со своим инвентарем, а Ярослав Тимохин как раз таковым и являлся.

Он служил топ-менеджером в какой-то крупной то ли голландской, то ли немецкой фирме, стригущей урожай зелени на московской земле. Он был вполне обеспеченным человеком, чтобы позволить себе достойную машину и не жалеть денег на хорошее снаряжение. Говорят, его «БМВ» на стоянке рядом с комплексом обнаружен не был. Бросил в другом месте? Приехал на троллейбусе?

Не нравилось все это Леониду. Он вспомнил, как недавно они сидели в какой-то совсем не статусной забегаловке и пили кислое пиво из литровых пластиковых стаканов. Вернее, пил Славка, а Леонид его слушал. Разговор оставил тяжкий осадок, и облегчения он Тимохину не принес. А может быть, и принес. Все-таки Славка выговорился тогда.

Скорее всего, он бы не стал ничего Леониду рассказывать, тем более что тот не напрашивался. Но на выходе из КПП, когда после игры разношерстный пейнтбольный люд, кто, огрызаясь, кто, похохатывая, не спеша шел разбирать свои авто и байки, оставленные на платной стоянке возле бетонного забора, Тимохина перехватил парень, одетый не по летней жаре в серый костюм и черный галстук, а приятель парня неторопливо подошел со спины. Они были сдержанны, а

Тимохин, напротив, психовал.

Из распахнутой настежь двери проходной выдвинулся плечом старик-гардеробщик и тревожно вслушивался, вытянув морщинистую тощую шею. И охранник, бродивший вдоль шлагбаума стоянки, напрягся и с показным равнодушием принялся что-то изучать совсем в другой стороне, но было ясно, что он тоже прислушивается, одновременно для себя решая вопрос, что ему надлежит делать, в случае чего. Похоже, что мальчики в сером – послы от кого-то серьезного.

Лёня тоже понял, что Славку прессуют, и хотел подойти, чтобы помочь отбиться. Но их беседа внезапно завершилась, парни развернулись и не спеша пошли к своей тачке, а один из них, на ходу приложив к уху мобильник, проговорил скучным голосом: «Скажи Фогелю, что клиент от услуг отказался».

И все, ситуация рассосалась. А Ярослав сказал подошедшему Леониду: «Давай по пивку», и руки его дрожали.

Это был последний раз, когда Лёня его видел. Сегодняшний – не считается.

В состоянии мрачной задумчивости Леонид поехал домой. Куда же еще? Домой, к Кнопке. Но он не станет ее грузить событиями дня. Хотя с ней поговорить хочется, и не мешало бы, но он перетерпит. Потому что он мужик, а мужику не следует взваливать проблемы на женские плечи.

Шурша шинами, его «Тойота» скатилась в подземный гараж.

Леонид машину запер, отметив, что «мерс» жены на месте, значит, она дома и ждет. Поднявшись по пологой бетонной спирали наверх, он грузно пошел через ухоженный двор к подъезду новенькой, чистенькой стильной двадцатичетырехэтажной жилой башни.

Дома его ждал сюрприз в виде щекастой веснушчатой особы в сиреневых штанах и розовой выше пупа маечке, обильно украшенной россыпью стразов.

Особу звали Юлечка. Лела их представила друг другу. Она так и сказала:

– Познакомься, Леонид, это твоя дочь Юлечка. Ей пошел двадцатый годик, и она страшно соскучилась по тятэ.

Лела так сказала и, обогнув его по дуге, вышла из кухни, где, звонко разбалтывая в чашке сахар, осталась сидеть за столом его внезапная дочь.

Дочь прищурила в улыбке глаза и растянула губы, ожидая, видимо, от него каких-то действий, какого-то проявления радости или, возможно, восторга.

Леонид ничего такого не выказал, а развернулся и отправился разыскивать жену.

Лелу он нашел в библиотеке, где та с незаинтересованным видом и прямой спиной изучала что-то в своем ноутбуке.

– Слышь, Кнопка, я ее в первый раз вижу! – недоумевающе прогудел Леонид и для убедительности помотал головой, пожал плечами и развел руками.

Валерия развернулась всем корпусом и взглянула на му-

жа насмешливо и отстраненно. Он ненавидел, когда она так смотрит, и всегда начинал злиться, чувствуя свое бессилие перед демонстрацией высокомерного безразличия. Но только не сегодня. Сегодня ему было по фигу, как она смотрит. Сейчас было важно не допустить катастрофы, потому как, ему понятно, внезапное появление в жизни женатого мужика внебрачной дочери грозит семье нешуточным катаклизмом.

– Ты хоть паспорт ее смотрела? – с раздражением спросил Леонид, не вытерпев паузы.

– Ну а ты как думаешь? – холодно улыбнувшись, проговорила жена.

– И что?

– Что – что? Мне ее имя ни о чем не говорит. Но родом она из твоего города.

– Из Глыбокоречинска?

– В точку.

– А фамилия у нее какая?

– Слушай, иди поговори с ней сам. Что ты ко мне пристал? Лепехина ее фамилия.

– Ничего не понимаю. Не помню я никакой Лепехиной.

Валерия дернула плечом и отвернулась. Разговор не доставлял ей удовольствия. Разговор ее мучил. Как и вся история с неожиданной Лёнькиной дочкой.

Лера не представляла, как по этому поводу ей следует вести себя с мужем, не знала, как вести себя с этой дочкой, и вообще не знала, как нужно себя вести в подобной ситуации.

Но очень хотелось выволочь девку в лифтовый холл, дав хорошего пенделя напоследок, а мужа треснуть по башке разделочной доской.

Зачем только она позволила ей войти, остаться, налила ей чаю?.. Надо было гнать, надо было ее так доходчиво гнать, чтобы не посмела она больше искать Леонида, а найдя, жаловаться на злобную мегеру – его жену.

Но Лера с гордым и тяжким смирением пригласила девчонку войти и налила ей чаю.

По-другому она рассчитывала провести сегодняшний вечер, по-другому. Лёня пришел бы с игры часов в пять, принял душ и переоделся в чистое, а потом они бы сели неспешно ужинать. Лера любила их субботние ужины, и Лёня тоже их любил.

До замужества она не утруждала себя возней у плиты, но для этого мужчины научилась готовить и делала это превосходно, как и все, за что бралась.

Сегодня она воспроизвела сложный мясной рулет из трех видов мяса, и приготовила к нему рассыпчатый рис, блестяще-жгуче-золотой от сливочного масла и индийских пряных приправ, и припасла бутылочку красного сухого, чтобы было чем заливать огненные приправы. Но тут возникла эта Юля, и все пошло кувырком. Нет, прахом.

У них с Лёней хорошая семья. Несмотря ни на что.

Лера не пряталась от правды и верно себя оценивала – ее тяжело вынести в больших количествах, с ней трудно ужить-

ся. Однако семья получилась хорошая. Просто Валерии повезло, и ей встретился этот человек. Хотя когда он принялся ее обхаживать, Лера не верила, что может что-то получиться и у нее будет семья. Слишком завышенные требования ко всем, а к мужчинам – в первую очередь, и слишком своевольный нрав не давали ей никакого шанса.

Она давно привыкла решать свои проблемы сама, и ей даже было смешно представить, что какой-то тип в мятых джинсах начнет вмешиваться в ее дела и путаться под ногами с неуместными и раздражающими командами. Да хоть бы и не с командами, а лишь с советами, произнесенными вкрадчивым тоном.

Однако кто сказал, что будет именно так, а вовсе не наоборот?

Лера тоже превосходно умеет давать команды. И она согласилась выйти за Воропаева замуж. А выйдя, принялась энергично воплощать свою модель семейной жизни в реальность.

Леонида не напугало, что новобрачная приступила верховодить, с ходу определив супругу роль бессловесного ведомого. Он не пузырился, отстаивая право на главенство, не подводил идеологию, по-интеллигентски рассуждая о том, что глава семьи – это мужик и только мужик. Ни ее безапелляционные указания, ни даже окрики, которыми поначалу она частенько грешила, на него не действовали никак. Он был иронично-благодушен и в этом благодушии непробива-

ем. Тихонько над женой посмеиваясь, поступал, как считал нужным, ловко поворачивая ситуацию по-своему. Но само-дуром не был, свобод и прав жены не попирал, уважал ее мнение и потакал капризам.

Да, у них практически идеальная семья. Однако в том, что семья их стала именно такой, не одного Леонида заслуга, но и жены его тоже, поскольку она была, во-первых, умной, а во-вторых, прагматичной.

Она криво усмехалась, слышав рассуждения о любви, скрепляющей семейные узы. Видели мы эти союзы, начавшие жить по любви... Трезвый расчет и аккуратное соблюдение собственной выгоды – вот лучший цемент для доброго брака. Леонид ей, конечно, нравился, и этого довольно.

Поэтому, посоветовавшись со своим прагматизмом, Лера приняла решение к домострою приспособиться. Исключительно ради собственной выгоды.

Она отнюдь не превратилась в ласковую кису, которая трется шелковистыми щеками о протянутую хозяином ладонь. Все осталось при ней – и прямотушие, и независимость суждений. Даже резкость, как стиль общения, тоже осталась при ней.

Чтобы муж не зарывался, она время от времени устраивала микросклоки, хотя исход их часто был предreshен. Справедливости ради надо заметить, что подобные разминки никак не отражались на климате в семье. Похоже, что Леонид относился к ее выходкам с благодушием взрослого, на кото-

рого набросился сердитый карапуз с погремушкой.

Валерию это задевало. Ей было непросто принять статус младшего, ведомого. И ломки ее настигали, и обижалась, и слушаться мужа не хотела, потому что гордость противилась, даже когда он бывал прав.

Но она сказала себе: «Что ты все ноешь? Хочешь – разведись. Снова станешь себе хозяйка. И никто не будет попирать твое эго».

И сама себе ответила: «Ну, если ты так ставишь вопрос, то я лучше останусь. Фиг с ним, с моим эго. Главное, у меня хороший муж, и он меня уважает».

Уважает ли?

Она прислушалась к голосам, доносившимся с кухни.

Леонид бубнил басом, что-то выпрашивая у незваной гостыи. В голове никак не укладывалось, что у ее мужа есть дочь, и эта дочь сейчас что-то оживленно ему рассказывает и строит умильные рожицы, стараясь понравиться.

Муж вернулся в библиотеку, держа возле уха телефонную трубку. Видимо, хотел говорить с кем-то в присутствии жены. Благородно.

– Привет, Тонь. Сколько лет... Ты теперь Лепехина? Дочка твоя тут у меня на кухне. Уверяет, что она и моя тоже. Что ты ей наговорила? Плохо слышно, говори громче. Как есть, так и рассказала? Иди ты. Надо же. А как вы адрес раздобыли? Угу. Понятненько. Да нет, все нормально. Бывай.

Леонид нажал на кнопку «отбой» и постоял молча, не гля-

дя на Валерию. Потом произнес:

– Я с Тоней Жабиной встречался после школы. Теперь она Лепехина, вышла замуж и поменяла фамилию.

– И что? – не разжимая губ, поинтересовалась Лера.

– Ничего, – прячась за раздражением, ответил Леонид. – Поблагодарила, что сообщил, где Юля. Говорит, что волновалась.

– А откуда у них твой адрес? – спросила мужа Валерия, и ему показалось, что спросила брезгливо.

«Как же все гадко складывается», – подумал Леонид и решил ее тон не заметить.

– Помнишь Вадьку Макарова? – спросил он жену, оживляясь. – Который к нам осенью заезжал с вялеными бычками и самогоном? Ты еще поразилась, что первач в трехлитровую банку закатан. Макаров ей адрес дал. Я так понял, что девочка решила к нам приехать, никого в известность не поставив.

– Не к нам, а к тебе, – желчно произнесла Лера и встала.

Треснуть его по башке хотелось невыносимо. И пенделя под зад дочурке. Но ни того, ни другого она не сделала.

– Папа дома?

– Поздороваться не хочешь? – поинтересовалась Лера, не сдвинувшись с места. – Леонид Николаевич по делам уехал.

Девчонка протиснулась мимо Валерии внутрь квартиры и, разбросав посреди холла чумазые балетки, отправилась пу-

тешествовать по апартаментам.

– Круто у вас! Папа, наверное, неплохо зарабатывает. Вы не думайте, я ни на что не намекаю, у нас все есть. Просто мамка совершенная кукушка, я от нее жутко устала.

– Ты же взрослая уже. Зачем тебе мать-наседка? – спросила Лера, останавливаясь на пороге гостиной и следя за всеми передвижениями Лёнькиной дочки.

– Это вы правы. Сейчас меня это мало колышет. А раньше я страдала.

Валерия, услышав это «страдала», хмыкнула.

– Вы напрасно смеетесь, Валерия Львовна. Она же у меня актриса, в драмтеатре нашем выступает. Утром репетиция, вечером спектакль, а то и днем еще. Домой поздно приходила. Приходит. Мы с папкой, то есть, с дядей Сережей, ее иногда целыми днями не видели. Я его папкой звала, пока мамка не призналась, кто мой настоящий отец. А потом папке надоело, и он вообще от нас ушел. Потом с мамулей мы одни жили. А недавно она опять свою жизнь устроила, замуж вышла. Трудно с отчимом, Валерия Львовна. Вот я и решила отца отыскать. С ним и посоветоваться можно, он и поможет, если что. Вы знаете, я просто счастлива, что его нашла.

– А давно тебе мама призналась, кто твой... настоящий отец?

– Ну да... Она про него часто рассказывала. Только не говорила прямо, что он мой отец. Говорила, что расстались они по ее вине, а теперь она страшно жалеет. Но уже ничего не

поделаешь, у него жена. Вы то есть. Встретиться все мечтает. Говорит: «Вот бы увидаться еще разок, юность вспомнить. Прощения попросить за все мои выходки». Представляете? Она его очень сильно любила. Может, до сих пор любит. Но она очень порядочная женщина, хоть и актриса. Она никогда чужую семью разбивать не будет, вы не беспокойтесь, Валерия Львовна.

Послышался звук открывающейся входной двери, и девушка, оттеснив Леру, кинулась в прихожую встречать отца.

Радостно взвизгнула: «Ура, папа пришел!»

Валерию передернуло.

Она ясно представила мизансцену: великовозрастная дочь кидается Лёньке на шею и слюнявит ему щеки. Актриса. Хотя что она хочет от девчонки, у которой такая мать?

Леонид добродушно произнес:

– Привет, привет, стрекоза. Решила проведать родителя? Как успехи?

Считалось, что Юлия поступает в институт, хотя скепсис не позволял Лере поверить в это ни на йоту. Особенно потому, что название вуза каждый раз озвучивалось новое. Такие несостыковки с мужем решила не обсуждать, понимая, что он сам не дурак и выводы сделал. Только почему он так странно себя ведет?..

Недавно она спросила, изо всех сил делая незаинтересованное лицо, а не собирается ли Леонид провести анализ ДНК?

Он тут же ответил, как ей показалось, резко:

– Юля претендует на твою жилплощадь? Или хочет отсудить у тебя любимый джип?

Валерия пожала плечами и вышла из комнаты. Такого она не ожидала.

В голову все чаще приходила дикая мысль, что в подмосковном городке Глыбокоречинск в полутемном, пахнущем сладкими благовониями кабинете потомственной ведьмы, какой-нибудь Стефаниды или Маркелии, произвели над мужниным фотопортретом магический ритуал, и теперь Леонид безвольным чурбаном будет выполнять все прихоти новоявленной дочери, а заодно и ее мамыши, никак не реагируя на критику и не слушая доводы рассудка. А если критика станет уж слишком навязчивой, пришибет жену разделочной доской, чтобы не смела говорить плохо о Юленьке и не путалась под ногами.

Далась ей эта разделочная доска...

Юля между тем суежилась в прихожей, подавая отцу тапочки и вытаскивая из его рук портфель, а потом сопровождала папеньку до дверей ванны, куда он отправился помыть руки, и чирикала, не переставая, что она по нему «жутко соскучилась».

Валерия мрачно проследовала на кухню накрывать на стол. На три персоны. Пропади оно все пропадом.

Поговорить с мужем нормально пока не получалось. Ревность не позволяла Лере напрямую спросить Лёню о том, что

за история была в его прошлом.

Бывает ли ревность без любви? Оказывается, бывает. Гордость мешала разузнать, как он отнесся к тому, что у него есть дочь, и выяснить, что он в связи с этим планирует делать. Если планирует. И уж тем более не могла она спрашивать мужа о том, какие чувства остались у него к той Антонине. Если остались.

Лера очень-очень, просто панически боялась, что остались.

Валерия замуж вышла в тридцать шесть. Это было второе по счету ее замужество. Первое случилось еще в институте, как раз перед защитой диплома, и не продержалось и двух лет. Мальчику потребовался уход и внимание, он постоянно ныл, изводя Леру капризами по поводу глаженной рубашки и «опять яичница». Ему хотелось натертых полов и запаха жареной картошки.

А Валерию в то время занимали поиски себя в реальности строящегося капитализма. От перспектив захватывало дух. Захватывало дух от открывающихся возможностей, которыми не воспользоваться было глупо, а медлить с этим – глупо в квадрате.

В конце 90-х – начале нулевых активно плодились совместные предприятия молодого российского бизнеса с бизнесом стран капитализма зрелого, производственные кооперативы и ИЧП устойчиво держались на плаву, способствуя процветанию поместного рэкета, крепили первые всходы ком-

мерческих банков и страховых компаний, больше похожих на финансовые пирамиды.

Должность плановика производства, увенчавшая ее дипломом о высшем, не давала Валерии ни малейшего шанса найти работу по профилю сей уважаемой в недавнем прошлом специальности, но именно это и стимулировало Лерину активность. Она жадно искала работодателя, который по достоинству оценит ее мозги, изобретательность, энергию и прочие качества, не последними из которых были напор и натиск.

Леру понесло из фирмы в фирму, с должности менеджера по продажам на должность координатора тех же продаж, а потом она стала заместителем управляющего страховой компании, а потом начальником департамента российско-финского СП, а потом она подружилась не с теми людьми.

Рисковый мужик из «новых русских» убедил Леру бросить цивилизованных финнов и начать работать на него. Под вывеской какого-то ООО, то ли «Рассвет», то ли «Ракета», он арендовал стандартную выгородку на компьютерном рынке, где они с напарником занимались продажей пейджеров и мобильных телефонов, на тот момент товаром не многим доступным, но притягательным. Товар хитрыми путями притекал им с дальних восточных рубежей, и, несмотря на транспортные и таможенные издержки, дельту с продаж пацаны имели головокружительную.

– Соглашайся, старушка, – сказал ей тогда Антон. – Не

достало тебя, что ли, в подземку спускаться? У меня ты за полгода заработаешь на тачку, а за год на квартиру.

Но не корысти ради решилаась Валерия на столь резкие перемены. Вернее, не только ради корысти, и уж, конечно, не в первую очередь.

Бурова жаждала какой-то лихой пиратской романтики, ей хотелось добиться в жизни яркого результата, хотя она и не понимала сама, какой успех ей конкретно видится в перспективе. А для начала просто стать рулевым, нет – капитаном, конечно же, капитаном собственного корабля, а не служить винтиком отлаженного финско-российского механизма, где не было места ни дорогой для русской души расхлябанности, ни полету идей, ни даже инициативе. Ничего, кроме тупого прессинга и штрафов за трехминутное опоздание. И она согласилась.

Антон был сильный и опасный человек, и его роковое обаяние заворожило Бурову, не могло быть иначе. И новый темп жизни ее устроил, и нервно-рванный график рабочих дней, когда неделями приходилось спать по пять часов в сутки, а потом разрешать себе внезапный однодневный отдых на берегу Адриатики, и азарт конкурентной борьбы, и хлопки и шипение шампанского по завершении очередной фантастической сделки. И насмешливая похвала Антона. И, конечно же, Леру устроили деньги, хорошие деньги.

Но как-то случайно она обнаружила, что у некоторых со-товых телефонов, поступающих партиями на склад, имеются

прицел, затвор и магазин, хотя по накладным с мобильниками все было чики-поки. Это открытие ей сильно не понравилось. Она не решилась задать прямой вопрос Антону, инстинкт самосохранения воспротивился. А потом Лера стала ловить на себе нехорошие взгляды его напарника и не знала, как эти взгляды следует оценивать. Не знала, но предположение сделала.

Тот же инстинкт самосохранения заставил ее действовать. Она придумала болезнь и больницу, и последующий отпуск за свой счет.

Не теряя времени даром, нашла по обмену квартиру в противоположном конце Москвы, там и затаилась.

Она была рада-радехонька серенькой должности менеджера-маркетолога на сереньком предприятии по производству ламп. Однако вскоре Валерия поняла, что лампы были не накаливания, а бегущей волны, а это круто. Что производство было высокотехнологичным и инновационным, а само предприятие, в смысле стен и оборудования, выглядело сереньким и неказистым только на невнимательный взгляд.

От должности менеджера она быстро добралась до руководителя отдела маркетинга корпорации «Микротрон», и там прижилась, по сходной цене предоставив в эксплуатацию капиталисту Лапину свои мозги, изобретательность и энергию.

За всеми этими перипетиями муж куда-то делся, Лера осталась жить одна, радуясь, что никто теперь не отвлекает

ее от собственной, частной и отдельной, жизни и не отнимает время на чушь – носки, трусы, рубашки и котлеты вместо яичницы.

Она утвердилась во мнении, что идеальные люди есть, но идеальных мужчин не бывает. Неидеальные ее раздражали, некоторые из них – бесили.

Леонид Воропаев, с которым они оказались соседями по дачным участкам, ее тоже бесил, и даже в большей степени, чем многие другие. Он был кондово-прямолинеен, шумен и громогласен, и ему было откровенно наплевать на то, как высоко она о себе думает.

Леонид приобрел соседний с Валерией участок со старой халупой посередине, предполагая развалюху снести и соорудить на ее месте что-нибудь пышное и конкретное. Лера на тот момент уже отстроилась и свой типовой домик из бруса с мансардой и крошечной верандой холила, как старушка любимую болонку.

Знакомство их началось с вульгарного дачного конфликта, зачинщицей которого явилась Лера и в котором была, мягко говоря, не совсем права.

Главной ее целью тогда было доходчиво объяснить новичку, что ему никто не позволит наводить тут свои порядки, а тем паче, ущемлять в правах, создавая пусть временные, но все же неудобства. Она пронзала холодным взглядом и рычала, демонстрируя повадки «одинокой волчицы», чем Леонида весьма позабавила. В его глазах соседка тянула лишь на

подросшего щенка мастифа, задиристого и самоуверенного.

Прикидывая, сколько соседке лет, он все время путался и сам потом себя правил. То ему казалось, что Лере нет тридцати, то приписывал ей все сорок. Мелькающая ребячливость и бьющая через край энергия постоянно сбивали Леонида с толку, замарывая предыдущие выводы, основанные на морщинках и прочих возрастных несовершенствах.

Соседке вполне подошли бы варварские доспехи из дубленой кожи с медной чешуей брони на груди, локтях и коленях. Этакая крепко сбитая и скорая на расправу кельтская воительница. При условии, конечно, если у той воительницы имеется светло-каштановая толстая коска, курносый веснушчатый нос и задиристое сопрано.

Ее воинственные наскоки Леонида не напугали и не вызвали ответного раздражения. Странно, но он не увидел за ними ни склочности, ни тем более мелочности. Вместо этого он рассмотрел твердый характер и природное стремление делать все самой, ни на кого не рассчитывая и не полагаясь. А может, не было никакого природного стремления? А может, просто так жизнь сложилась? И он подумал, про себя усмехнувшись, что посмотрел бы на того мужика, который заставит ее подчиняться. И тут же понял, что никакого мужика рядом с ней не потерпит. И тогда он стал навязываться с дружбой.

То ли по причине его непробиваемого безразличия к едкой язвительности стихийной феминистки, то ли оттого, что

самой феминистке неожиданно понравилось с ним пикироваться и иногда даже о чем-то серьезном рассуждать, позволяя себе поумничать и задеть по касательной не столь тонкого и начитанного соседа, больше похожего на братка из анекдота, чем на законопослушного хозяина оконно-балконной фирмы, Лера его от себя не прогнала. Теперь она рада, что не прогнала.

В ухаживаниях и развлечениях, которые он предлагал своей даме, не было ничего высокоинтеллектуального, утонченного или продвинутого. Никаких модных выставок, показов коллекций, ночных клубов и прочих нынешних фенек.

Он традиционно вытаскивал Валерию на шашлыки в зону отдыха «Сербора», менее традиционно – на конные прогулки, хотя ни он сам, ни его дама ездить верхом не умели. Они оставили кучу денег на аттракционах в «Сокольниках» и в уличных тирах, где пуляли в жестяные мишени из пневматики, и оба мазали. Вернее, кучу денег оставил, конечно же, он, Леонид.

Но однажды он все-таки ее удивил. Видимо, опасаясь, что дама может заскучать от шашлыков и аттракционов, он вызвал ее на турнир.

Леонид вдохновился этой идеей под впечатлением от прогулки по вернисажу в Измайлове.

Незамысловатая ее суть состояла в том, чтобы посоревноваться, кто из них продаст больше ненужных вещей, если, потеснив пенсионерскую мафию, устроится торговать в бло-

шином ряду, разложив свой товар прямо на дощатый настил.

Лера хмыкнула и согласилась. Она знала наперед, что в этом дурацком турнире легко одержит победу, поскольку умение торговать было ею доведено до совершенства на всех предыдущих работах, не считая ныне имеющейся.

Пошарив на антресолях, она нашла несколько разномастных кофейных чашек, эстамп на фанерной доске с изображением кривой сосны над обрывом, старый будильник и фарфоровую статуэтку балерины.

Леонид нарыл у себя какие-то длинные узкие железяки, которые называл надфилями, маленький, еще со школы, изрисованный фломастерами альбом с почтовыми марками, несколько значков и старые брючные ремни.

Они стремительно проиграли друг другу со счетом один-один.

У Леры моментально выкупили балерину и чашки, у Леонида – марки оптом, а соседи по торговому ряду, которые и без того смотрели на пришлых недобро, услышав запрошенную цену, хором обозвали их идиотами и велели больше здесь не появляться. Было весело.

Той же осенью Леонид тяжеломерно предложил ей жить вместе, а то и пожениться.

Она согласилась. Она ждала таких слов, и она хотела их услышать. Но сразу расставила все точки над *i*, уведомив претендента, что не создана для материнства. Не то чтобы физиология не позволяет, а вот просто – не создана, и все.

Без ненужного самокопания она истово не желала пуза, проблем с молокоотсосом, пеленок, подгузников, какашек, бутылочек, сосок, колясок и всех остальных родительских радостей.

Будущий муж ее заявление воспринял спокойно и таймаут не взял.

Он сказал просто: «Ну, не создана, значит, не создана» и повез невесту выбирать колечко.

Их быт был налажен, вся их жизнь была построена. Они не скучали, когда оставались вдвоем, и они по-прежнему друг другу нравились. То есть были симпатичны. То есть их друг к другу тянуло.

Любили? Если это любовь, то любили. Хотя Лера избегала высокопарных определений, Леонид тоже.

И ни о каких переменах в семье они не помышляли. Леонид не делал грустно-умильную рожу, глядя на соседских карапузов в коляске возле подъезда, и не предлагал жене купить щенка, а Лера не тушевалась, когда знакомые задавали расхожие вопросы о детках.

А вот теперь она чувствовала приближение беды. Катастрофы. Муж сделался замкнутым и неразговорчивым. И холодным. Или равнодушным? Теперь частенько супруги лишь за ужином перебрасывались ничего не значащими фразами, а потом Леонид, отказавшись от чая, запускал компьютер, а потом молча отправлялся спать.

Если не приходила Юля.

Если приходила Юля, то картина становилась иной. Леонид оживал. Вот, как сейчас, например.

Лера начала понимать, что значит «я страдала».

Лера страдала. Нервы сдавали, и Лера принялась дерзить. Дерзить, хамить и говорить гадости. Мужу. Не этой же, пропади оно все, дочечке...

Войдя на кухню, Леонид мимоходом кивнул жене и уселся на свое обычное место.

Следуя за ним по пятам и чуть ли не приплясывая в щепотке восторге, возле обеденного стола материализовалась и глыбокоречинская нахалка и плюхнулась напротив, заняв обычное место Леры.

Семейная идиллия продолжалась.

– Пап, а мы в Глыбокоречинск с тобой съездим? У тебя когда отпуск? Давай сделаем маме сюрприз, а?

Леонид пугливый взгляд на жену не кинул, не закашлялся, выигрывая время, а проговорил размеренно и спокойно:

– Не фантазируй, стрекоза. Ты взрослый человек и должна понимать, что есть вещи совершенно неприемлемые.

– Да что тут такого неприемлемого?! Это же...

– Стоп, Юля. Угомонись. Давай лучше поговорим о том, какой подарок мы тебе сделаем, когда ты поступишь в институт.

– Ну, что ты, пап. Мне ничего от тебя не надо, совсем ничего! – с трогательной доверчивой наивностью проговорила девица, распахивая голубые глаза.

«Актриса», – привычно подумала Лера.

– Ну, это мы посмотрим, – произнес Леонид. – Ты все еще у подруги живешь? Наверное, надо тебе квартиру снять. Я подумаю над этим.

Глаза дочки засияли. Отец усмехнулся. Его жена молча жевала еду, уткнувшись в тарелку.

Потом Юля вежливо сказала: «Спасибо, Валерия Львовна, все было очень вкусно», а Валерия не расслышала. Вот не рас-слышала.

Потом Леонид, кинув исподлобья на жену мрачный взгляд, поднялся, чтобы дочь проводить, а жена, конечно, не сдвинулась с места. Затем до нее донеслись голоса из прихожей. Ее муж произносил слова с покровительственной лаской, а дочь ее мужа – с лаской благодарной. Идиллия.

«А моя идиллия, кажется, завершена. Теперь я для него уже не маленькая девочка, а взрослая и желчная тетка, у которой нет и в помине великодушия, благородства, понимания и жертвенной любви. Как, должно быть, он во мне разочарован. С ума сойти».

Леонид, вернувшись на кухню после трогательного прощания с крошкой, неодобрительно спросил:

– Ты не могла бы быть с ребенком поприветливее?

– Это твой ребенок, – звонким голосом проговорила Валерия и швырнула в мойку неумытую вилку. – Жаль, что так долго вы были в разлуке. И жаль, что встреча ваша не состоялась лет этак пять назад. Или, на худой конец, четыре.

Но все можно исправить, не так ли?

И сорвав фартук, она вышла из кухни стелить себе в гостиную.

На следующее утро они не разговаривали. Возможно, так бывало и раньше, утро – это вообще трудное время, но раньше Валерия не придавала бы этому значения. Носилась бы по квартире, выдергивая из шкафов одежду себе и мужу, запихивая в сумочку бутерброды, которые Лёнька неизменно ей сооружал, подсовывала бы ему под нос тарелку с гренками и яичницей, отобрав смартфон, в котором тот шарил по новостям...

Но это утро действительно было другим. Вчера ей, конечно, не удался демарш с подушками на диван в гостиную.

Леонид вырвал у нее из рук плед и сказал устало:

– Не мотай мне нервы, Лера, у меня и без того сплошные проблемы. Ложись нормально, завтра все обсудим.

И она послушно легла, заняв свое место на супружеском ложе, но заснула только под утро.

Леонид с его «проблемами» вырубился на счет «раз». Может, притворялся? И что за проблемы у мужа?

Вот, например, третьего дня он был на похоронах. Хоронили его приятеля. Это можно считать проблемой? Да нет, какая проблема – похороны... Скорее тяжкая необходимость и долг чести. Или он столь серьезно переживает утрату?

Валерия так и не вникла, что с этим приятелем произошло. Какой-то несчастный случай. Она не была лично знакома с Ярославом Тимохиным, а знала его лишь по Лёниным рассказам. Мужики сдружились на почве общего увлечения пейнтболом, вряд ли их связывало что-то большее.

Ни в тот день, когда Славку нашли мертвым, ни в дни последующие Леонид никаких пространных разговоров с женой на эту тему не заводил. Собирался, но не сложилось. Желание поделиться тут же исчезло, как только перед Леонидом образовалась ситуация в виде рыжей девицы в сиреневых штанах. Все прочие разговоры теперь казались в своей важности фальшивыми или же неуместными. Он лишь бросил в тот вечер коротко: «Вчера Славка погиб», а Лера ничего уточнять не стала. Ей тоже было не до погибшего Славки.

Сейчас, лежа в постели без сна, она жгуче жалела, что была такой крысой и не помогла мужу выговориться, а ведь это бывает так важно – чтобы кто-то тебя послушал. Нет, не кто-то, а именно тот, кто не осудит за сопли и сколько нужно будет терпеть твои излияния, не задирая иронично бровь и не кривя губы в скептической ухмылке. Но не порасспросила и не выслушала.

Хотя понять ее можно. Когда без предупреждения в твою жизнь врывается мужнино прошлое и начинает все рушить, непросто оставаться благородно-бесстрастной.

А вдруг ты все не так видишь, вдруг его ностальгия вовсе и ни при чем? Может, и нет ее, ностальгии? А замкнутым

он сделался все-таки из-за кончины друга... А также потому, что Лере нет никакого дела до того, что у мужа по жизни происходит, вообще ни до чего нет дела, кроме своей уязвленной гордости, которую на самом деле никто не задевал.

Сама виновата. Родила бы Лёньке ребеночка и не тряслась бы сейчас. Была бы спокойной и невозмутимой мамашкой и женой в своем праве.

Но он же был согласен! Он с самого начала не возражал и не настаивал, и потом, когда они достаточно долго прожили вместе, никогда не поднимал эту тему, значит, его все устраивало?! Или нет?.. Ну, мог бы хотя бы намекнуть!.. А теперь получается, что Лера ему не нужна и сама во всем виновата.

А кто еще? Сама и виновата. Особенно если сравнивать. После того как выяснилось, что есть в жизни Воропаева Леонида женщина, которая захотела от него родить. И без всяких условий. Родила и воспитала, и вырастила, а вот ты, Лера, не захотела. Да, сравнение не в твою пользу, детка, ох, не в твою.

И что теперь? Пока не поздно обзаводиться потомством, чтобы мужа окончательно не потерять?

От накотившего ужаса Лера даже тихонько взвыла, почувствовав себя приговоренной к пузу, молокоотсосу и всему прочему.

Она ворочалась в кровати, вставала попить водички, снова ложилась и вновь ворочалась, и сон все не шел, и ей было мучительно и тошно. Утром, все выяснится утром. Она боя-

лась утра. Как будто сделала что-то гнусное, подлое и чрезвычайно непорядочное, ну, к примеру, изменила мужу, и это вылезло наружу, и впереди разговор, который всего-навсего отложен.

Что за выверт сознания?! И отчего она чувствует себя виноватой? Кто, в конце концов, в этой ситуации жертва? Конечно, она, Лера. Это муж должен ощущать вину, а не наоборот. И ей нечего бояться. Она сможет достойно выдержать любую правду, лишь бы это правда была, а не увертки, за которыми обычно любит прятаться сильный пол.

Но утром разговора не случилось. Муж даже не притронулся к творожной запеканке, которую Лера ему выложила на тарелку, обильно удобрив густой сметаной. Он не присел к столу. Молча и торопливо выпил чашку кофе, который сам себе и сварил. Выпил, стоя над плитой. А потом отбыл на работу.

А Лера делала вид, что это ей безразлично. Что ее не задает остывшая запеканка. И не трогает, что муж не произнес ни единого слова. И не кивнул. И не посмотрел в ее сторону ни разу. Просто ушел.

Или он так решил ее наказать? Зашибись! А за что?

Сидя сутуло на высоком кухонном табурете, она горестно послушала, как мягко захлопнулась входная дверь, а потом, разозлившись на себя за эту бабью горечь, выдернула из пачки сигарету.

Фигня все это. Это все фигня. Она справится. Соберется

с мыслями и примет решение. Сама. Как это делала раньше. Как это делала всегда. А потом решение исполнит. И хватит себя жалеть, в самом деле.

Вот то, что «спецназа» больше нет, это действительно жалко. Разбежались девчонки, а то бы они быстро Леру вылечили, и следа бы от хандры не осталось. Ситуация не изменилась бы моментально, однако относиться к ней Валерия начала бы уже по-другому – и легче, и проще. Да и совет непременно толковый получила бы, и в его исполнении активную помощь.

«Спецназ» – это три Лерины подруги: Катя Демидова, Алина Росомахина и Киреева Надежда Михайловна. Хотя теперь она не Киреева.

Все они работали на капиталиста Лапина в холдинге «Микро-трон», там и сдружились. По-настоящему. Характеры разные, у каждой свои тараканы, амбиции, проблемы, но сдружились.

Лёня их тусовку «спецназом» назвал в иронично-уважительном смысле. Хотя лично ни с одной из Лериных подруг на тот момент знаком не был, но от Леры был наслышан об их невероятной крутизне. А какие еще подруги могли быть у его жены? Только такие. Конечно, говорить про девчонок, что они «разбежались», несправедливо. Они просто очень и очень заняты сейчас, но разве Лере от этого легче?..

Разброд их начался с того, что Алина ушла в декретный отпуск и в положенный срок произвела на свет пацана, ко-

тогого назвали Тимофеем. Ей, наступая на пятки, Катя разродилась двойней и тоже пацанами, Илюхой и Кирюхой. Но хронологически первой птахой перелетной стала Киреева, которая взяла и уволилась, не забыв напоследок приколоться и выйти замуж за их большого босса – Лапина Ивана.

Лера радовалась, по-честному радовалась счастливым переменам в жизни подруг, но без них на работе ей стало грустно. В окружении двухсот сорока шести служащих корпорации она чувствовала себя, как на покинутой зимовке, хотя никогда не тяготела к «колхозу» и гордилась своей автономностью.

Конечно, они созванивались. Конечно. Но у Алины и Кати с их младенцами был постоянный цейтнот, особенно не разговоришься, да и мозги у девчонок сейчас не туда повернуты. Одна только Надежда Михайловна оставалась Лере для полноценного общения. Казалось бы, чего и желать-то? Ведь именно ей Бурова доверила бы самые страшные свои секреты. И именно к ней в первую очередь обратилась бы за поддержкой и советом. Но все было не так просто.

В течение рабочего дня Киреева предпочитала личные разговоры не вести, в чем Бурова была с ней полностью согласна. Таким образом, их брифинги проходили по вечерам, когда обе добирались до домашних телефонов и устраивались в удобных креслах, сунув уставшие ноги в тапки с помпонами. Только эти брифинги длились ровно до того момента, пока домой не возвращался феодал Лапин. Приходил Ла-

пин и тут же перетягивал одеяло на себя. Но хотя бы так...

Лере всего лишь следует дожидаться вечера. Киреевой она непременно позвонит, это точно. Надежда Михайловна удивительно быстро ориентируется во всевозможных проблемах житейского толка и даст Лере хороший совет. Конечно, решение Лера будет принимать сама, но совет от Киреевой ей вовсе не помешает.

А сейчас дернем кофейку с сигареткой и в путь. На дорогах небось опять пробки, хоть и пора отпусков. И обойдемся нынче без ваших бутербродов, уважаемый муж. У нас в буфете, на первом этаже, подают весьма приличные корзиночки и ромовые бабы.

Валерия щелкнула зажигалкой, затянулась. Пододвинула поближе пепельницу. Сделала еще затяжку, раскуривая сигарету. И почувствовала приступ острой тошноты.

Гортань деревянно онемела, а рот наполнился горькой слюной. К горлу подкатил спазм. Трясущимися пальцами она торопливо затушила сигарету, прикрыла рот ладонью и замерла, не дыша и часто сглатывая слюну.

Зашибись. И что это значит? Только бы не то, о чем подумала. Погода меняется, вот и все. Атмосферное давление и магнитные бури. Или эффект плацебо. В смысле, воображение у тебя, Лера, богатое. Впечатлительная ты очень и самовнушаемая. Не фиг было всю ночь самоедствовать, а потом страшные картинки представлять. Короче, никакой паники. Все под контролем.

Отдышавшись, направилась в ванную высморкаться и смыть выступившие слезы. По дороге вспомнила, что у нее отпуск.

Вот так, у нее с сегодняшнего дня отпуск. О котором она мечтала весь год.

Хотя мечтали они с Лёнькой вместе. Строили планы, как поедут на недельку в Стокгольм. Или в Прагу. Или в Мадрид. Но лучше в Стокгольм, там сейчас не так жарко. Потом им втемяшилось, что наша Карелия круче. Чашебы с морошкой, чистые речки с ряпушкой, воздух без смога, а от гнуса можно репеллентом растереться. И зачем им эта граница, когда Карелия есть? Тем более что оттуда до финнов рукой подать, если уж в Европу потянет. Леонид планировал взять в каршеринг домик на колесах, для путешествия с романтическим комфортом, но не заходя, чтобы лишнее не платить за прокат. А сегодня ушел в свой «Скворечник» и про отпуск даже не вспомнил.

Фирма его так называется – «Скворечник». Балконно-оконная. Оконно-балконная.

Ну, ладно – Лёнька. А как сама Лера могла позабыть? А почему нет? Могла. За всей фигней, что происходит сейчас в семье, забыла. Забыла, заморочилась.

Она вяло присела на пуфик в прихожей, так и не дойдя до ванной.

«А поеду-ка я сейчас на дачу, – медленно, с расстановкой, сказала себе Валерия. – А вот поеду. А папаша с доч-

кой нехай готовят себе разносолы сами. И зачем стеснять родственников и мешать им общаться? Не будем мы мешать родственникам общаться. Может, Воропаев мечтает повидать свою старую любовь. Может, я его связываю по рукам и ногам. Не будем мы никого связывать. Пусть себе общается. И к дочкиной мамане пускай вместе валят. С целью воссоединения любящих сердец. Тем более он отпуск брать собирался. В Стокгольм лететь. Или Прагу... А тут лучше, тут – родной Глыбокоречинск. Вот счастье-то! Вот счастье...»

Она не заплакала. Еще чего. Вскочила резко, побросала в дорожную сумку каких-то сухих полуфабрикатов и консервов, упаковку туалетной бумаги и стопку пластиковых тарелок, гель для душа, тюбик зубной пасты и крем для рук. Вытащила из холодильника полторашку питьевой воды, чтобы не умереть в дороге от жажды, и, взглянув с содроганием на пачку сигарет, застегнула молнию раздувшегося саквояжа.

До двери дотащить она его не успела. Услышала, как ключ поворачивается в замочной скважине. Вместе с поклажей нырнула в темную кладовую, где стояли пылесос, гладильная доска, лыжи... Лёнькин ящик с разводными ключами и отвертками... Притихла, осторожно потянув на себя дверь. Не дышала. Это почему-то вернулся муж. Зачем вернулся? Сейчас это не важно. Важно, что ей совершенно не хочется сталкиваться с ним в дверях. Хотя глупо все это.

Нужно выйти с достоинством и проследовать мимо него куда-нибудь. Например, в библиотеку. Или на кухню. Или

сразу в прихожую, на выход, не сказав при этом ни слова, как и он поступил с ней меньше часа назад. Но Лера не сдвинулась с места. Потому что муж с кем-то разговаривал по смартфону.

Он разговаривал, войдя в квартиру, разговаривал, когда шел мимо двери, за которой притихла Лера, продолжал говорить в библиотеке, одновременно что-то торопливо перемещая на письменном столе. Судя по звукам, он выдвигал ящики и перекладывал с место на место шуршащие бумаги и все говорил и говорил. Голос его был сухой и непривычный. Механический? Деревянный? Лера никогда не слышала у мужа такого голоса.

«На войне как на войне», – подумала Лера и приготовилась подслушивать.

– Никаких проблем не будет, Илья Борисович. Ей не то что половины не принадлежит, ей вообще не принадлежит никакой доли. Да, все сто процентов мои. Нет, ставить в известность жену я не планирую. А на каком основании она будет возражать? Да не волнуйтесь вы так, Илья Борисович, никаких неприятностей у вас не будет. Я знаю, как подстраховаться. Поэтому настоятельно прошу договор дарения подготовить к моему приезду. Я сейчас к вам подъехать не могу, дел много, но по электронке отправлю все отсканированные документы. Да, все – устав, свидетельство о регистрации... Нет, у меня не ЗАО, у меня ООО. А оригиналы привезу лично. Дело срочное, как вы понимаете. До встречи.

И затем Леонид, на ходу запихивая топорщащуюся кипу бумаг в портфель, прошагал к входной двери.

Ильей Борисовичем звали его нотариуса. Не то чтобы нотариус. Костенко был Лёнькиным личным имуществом или числился в штате «Скворечника», где и получал зарплату, но все вопросы, связанные со всевозможными доверенностями и заверением многочисленных копий, Леонид издавна решал через Илью. Для упрощения и ускорения всех процедур он время от времени приглашал нотариуса на шашлык, а для закрепления хороших отношений оказал конкретную помощь рабочей силой и стройматериалами, когда тот решил отстраиваться на своих сотках под Рузой.

Лера услышала мягкий стук закрывающейся двери.

Зашибись.

Сведя брови к переносице и сосредоточенно наморщив лоб, она вышла из закутка и маленькими шажочками направилась на кухню. Зачем-то. Дошла. Постояла. Развернулась, пошла в библиотеку, где только что ее муж решал по телефону технические вопросы дарения своей фирмы. Дарения кому? Неужто непонятно?..

Лера всегда гордилась, что у мужа есть фирма. Что он у нее трудяга и предприниматель. Что он не перепродает через интернет или на рынке возле метро дешевые товары, после чего они становятся уже не такими дешевыми, а делает что-то сам, своими собственными руками. Образно выражаясь, конечно. Но тем не менее не перепродает.

Большая ли у Лёньки фирма? Не очень, бывают и побольше. Человек тридцать или около того, включая трех менеджеров-замерщиков, бухгалтера и секретаря. Есть водители на «газели», есть бригада слесарей, есть кладовщик. Остальные – ребята-монтажники и отделочники. Прорабом выступает один из замерщиков, а иногда и сам хозяин, некогда закончивший строительный техникум и даже успевший поработать в этом качестве на пыльных стройках Москвы. Что-то Леониду на этих стройках не понравилось, и он решил, что ему нужна своя собственная фирма, и она у него появилась – жизнестойкая, отлаженная и приносящая надежный доход. А потом в его жизни появилась Лера.

Лера никогда не стремилась стать совладелицей «Скворечника», так сказать, де-юре и не обижалась, что муж эту тему ни разу с ней не обсуждал. И так ведь понятно, что если это Лёнино, то и Лерино. Как коттедж в Панкратовке, который раньше принадлежал только ей, а теперь стал общим. Как их новая шикарная квартира. Свою однушку Лера продала, а деньги, не задумываясь, вручила мужу, чтобы тот, приложив их к полученным от продажи своих двух комнат в коммуналке, купил эти апартаменты.

И вообще, она же не обижается, что набор разводных ключей или, предположим, отверток Леонид считает своими? Не обижается. Зачем Лере эти отвертки? Совершенно они ей ни к чему. Она же не будет ими ничего отвертывать.

Валерия Бурова не была безропотной овцой или закон-

ченной идиоткой. Просто доверилась мужу, как малое дитя, и, кажется, напрасно. Леонид решил обойтись с ней как прожженный циник, собравшись отписать новоявленной дочке их семейный бизнес. Похоже, готовится к разводу, обобрав под занавес дуреху-жену до нитки. И это понятно, ведь в рейтинге его ценностей Валерия теперь занимает далеко не первое место, а самое распоследнее, если вообще участвует в конкурсе. Теперь она для мужа никто. Или хуже, чем никто. Она для мужа помеха.

Но разве для нее это явилось открытием? Разве десять минут назад она именно об этом не размышляла, растравливая рану? Что она мешает родственникам общаться и так далее?..

Оказывается, не всерьез размышляла. Не верила в эту дичь, чушь, абсурд и ахиною. Теперь придется поверить и обживать новое место, которое ей только что указали.

Место ей не нравилось, и обживать его Лере не хотелось. А хотелось дать волю эмоциям, которые давно рвались наружу. Хлопнуть со всей силы крепкой ладонью по столу, набрать в грудь побольше воздуха и рявкнуть, чтобы он катился на все четыре и куда подальше, не забыв прихватить с собой наглую девку и девкин «Скворечник», а потом шарахнуть об стену хрустальным тазиком для новогоднего салата оливье, и чтобы толстые кусочки хрусталя тяжелым снопи-ком плавно осыпались на плитус.

Но для этого нужно как минимум дождаться возвращения

супружника с работы. Или куда он там отправился?

Сил сидеть в четырех стенах и ждать у нее не было абсолютно, и она снова ухватилась за распухший саквояж.

Лера бездумно крутила руль, продираясь сквозь пробки по московским шумным магистралям, густо пахнущим выхлопом и свежеуложенным асфальтом, а потом тащилась по пыльному республиканскому шоссе, встав в череду рычащего потока, стремящегося к югу, а потом тряслась по выбоинам однополоски, которая вывела ее к Панкратовке, где и была их дача. В душе царила горечь, а в голове пустота.

Прослонявшись весь день бесцельно по участку и так ничего не сделав полезного и нужного, и даже толком не позаворав, и не макнувшись даже ни разу в чистую воду ухоженного прудика, поздним вечером вернулась в Москву.

Квартиру она застала пустой и от пустоты гулкой.

Лера сначала ждала мужа, сидя у компьютера. Потом перед включенным телевизором. Затем она постелила себе на диване в гостиной и ждала его, притворяясь, что спит, и незаметно заснула. Под утро вскочила, заглянула в спальню, в ванную. В библиотеку. Кинулась в прихожую. Муж домой не приходил. Леонид не пришел ночевать. Такого не было никогда. Валерия хлопнула носом.

Валерия хлопнула носом и тут же прикрикнула на себя. Не помогло, она разрыдалась. Как интересно... Как интересно и странно... Оказывается, она его любит...

Да нет, глупости, какое там – любит. Просто обидно очень.

И нервы вымотаны до предела, вот и все.

И с какой стати так убиваться, будто что-то непредсказуемое случилось? Или, подслушав его разговор со стряпчим, ты, курица пустоголовая, не уразумела, тут же и моментально, что твоя благополучная семейная жизнь скоропостижно скончалась, причем без особых усилий со стороны агрессоров из города Глыбокоречинск? И тем не менее продолжала думать, что от тебя что-то еще зависит? Тазиком хлопать собралась, рассчитывала, что так приведешь мужа в чувство...

Тогда ты и вправду дура. А он ушел. Может, еще вернется, вещи взять или перекантоваться денек-другой... Или, может, он не собирается окончательно уходить... Будет жить с тобой под одной крышей... А время от времени в Глыбокоречинск наведываться, отдыхать душой. И телом.

«Не бывать тому», – угрюмо решила Лера, представив, как муж, словно чужой человек, расхаживает по их квартире, каждый раз обходя Леру по дуге, и бросает фразы, не глядя в лицо. И она даже не посмеет подойти к нему, чтобы обнять и спросить, что происходит. Потому что он отшатнется.

«Не больно-то и хотелось с вами обниматься, уважаемый муж, – с едким сарказмом подумала Валерия. – Твои вещи я, конечно, собирать не буду, сам потом соберешь, а вот высказать все в глаза удовольствия себя не лишу. И морду не отвернешь. Я сама тебя прогоняю, ты понял?»

«Я сама тебя прогоняю, – твердила она, выводя свой джип из гаража. – Так ему и скажу. Чтобы не смел являться. Толь-

ко за вещами. И только один, без своих теток. Как там ее – Тоня? Без Тонечки и милой крошки Юли».

Она гнала машину в Глубокоречинск.

Ну, не сидеть же глупой коровой у кухонного окна, сморкаясь в грязный передник и изображая страдальцу? Пусть другие себя жалеют, а Валерия Бурова будет действовать.

Город с бывшими посадами былых окраин, все еще теснящихся возле остатков купеческих домов, с трехэтажным зданием городской управы в окружении жилых пятиэтажек, с новым торговым комплексом, выходящим задником в поле и мечтающим стать центром местной цивилизации, ничем не удивил Леру – ни петляющими невпопад туда-сюда улочками, ни раздолбанными горбатыми мостовыми, ни даже грохочущей телегой, запряженной бодрой каурой лошадкой, понукаемой тринадцатилетним пацаном. Подмосковных городков она повидала. Но только въехав на главную магистраль под названием улица Советская, она сообразила, что не помнит адрес Юлии Лепехиной, а значит, и ее мамы тоже.

Кривые буквочки, заполнившие чернильный штампик, в которые она вчитывалась, изучая паспорт воропаевской дщери, стерлись из памяти напрочь, не оставив ни малейшей зацепки.

Досадуя на себя, Валерия вылезла из машины и подступила с расспросами к туземцам. Пусть она не знает, где мадам Лепехина живет, но зато ей известно, где мадам работает, и

значит, Лере нужен тутошний драмтеатр.

Однако за секунду до того, как задать вопрос пенсионерке в панаме, выгуливающей на поводке мохнатое недоразумение, Лера поняла, насколько дико он прозвучит.

Драмтеатр, ха!.. В Глыбокоречинске!..

Но дама с собачкой от изумления кашлем не зашлась, а вместо этого, не спеша поводя руками, принялась расписывать дорогу.

Здание театра было вполне себе традиционным, но производило впечатление уменьшенной копии – с полукруглым фасадом и неизбежными по передку толстыми колоннами, увенчанными массивной лепниной под массивным же фронтонным козырьком. На передней стене между колоннами – в человеческий рост афиши с черно-белой мозаикой фотографий, запечатлевших сцены из спектаклей репертуара. Слева от парадного входа на куске ватмана вывешен сам репертуар, в рамке и под стеклом. Все как у больших.

Валерия запоздало забеспокоилась – сейчас же лето, местная труппа должна быть на гастролях. И скорее всего, под стеклом висит репертуар театра юного зрителя из Брянской области или народного театра из области Орловской. Как-то все с самого начала у нее наперекосяк пошло. Но раз она здесь все же оказалась... Не поворачивать же обратно. И Лера потянула на себя массивную дверь.

В вестибюле было прохладно и немного сумрачно, пол, уложенный мраморной плиткой, блестел чистотой. Вдоль

стены секция деревянных кресел с откидными сиденьями, потертыми на дерматиновых сгибах. Таких кресел Валерия не видела уже лет сто.

Она прошла в сторону билетной кассы и, заглянув в арочное окошко, осведомилась, какая все-таки труппа дает сегодня вечером спектакль.

Билетерша раздраженно прокаркала, что труппа в театре одна, что здесь вам не столица, и что вечернего спектакля сегодня не дают, что вон там все ясно написано. Сегодня только дневной, детский. Вам что, трудно прочитать?!

Валерия произнесла холодно, ставя каргу на место:

– Остыньте, уважаемая. Я всего лишь полагала, что ваши на гастролях, – и, сунув в глубь пещеры купюру, процедила: – Один. Балкон. Первый ряд.

Билетная тетка принялась усиленно навязывать партер, поскольку ни на секунду не усомнилась, что, выкупив самый дешевый билет, наглая московская штучка после третьего звонка не преминет занять более козырное место. То, что штучка московская, сомнений не было – напористая, как топор, и одета глумливо – в короткие мятые штаны и размалеванную майку с физиономией на пузе. Нормальные люди так не то что в театр, а и в магазин за булкой не выйдут.

Но Лере нужен был балкон, и она настояла. Балкон и бинокль, чтобы была возможность отсканировать первые ряды.

Кресла в амфитеатре, которые под балконом, ее не интересовали. Леонид не будет там сидеть, Леонид, ясен пень,

расположится в партере, чтобы вручить корзину с цветами своей королеве, когда та выйдет на поклон в конце действия. Если, конечно, он не остался ожидать ее «дома», утомленный бурной встречей, если, конечно, не сервирует на маленькой кухне праздничный семейный обед, смотавшись в супермаркет за шампанским и цыплятами табака.

Лере повезло, бинокли в гардеробе имелись. До начала представления она нервно прохаживалась по пустому фойе, от скуки разглядывая фотопортреты местных театральных деятелей, и боялась, что будет сегодня единственным зрителем, не считая беглого Леонида, но потом начали стекаться мамы с детьми и бабушки с внуками. Стало шумно и бес толково. Леонид пока не появлялся.

Вооружившись программкой, которую ей вручила у входа важная дама, отрывающая корешки у билетов, Валерия полутемной лесенкой поднялась на балкон. Осмотрела ряды пустующих кресел. Уселась по центру у парапета и принялась изучать сероватые странички, ища нужную фамилию. Ни Лепехиной, ни Жабиной среди актрис не значилось. Ни в играющем составе, ни среди дублеров. Блин!

Как все глупо. Гонка на машине нелепая, поиски неизвестно кого. И неизвестно зачем. Что именно она собиралась сделать, найдя в программке фамилию – гм... – разлучницы? Ворваться в антракте в артистическую уборную и учинить скандал? Или подстеречь после спектакля у служебного выхода и облить зеленкой, купленной в аптеке за углом?

Или выследить, где живет, и следом за ней нагрянуть, чтобы... Что?

Нет, конечно... Какие еще скандалы?.. Ей нужно найти мужа. Найти, развернуть его лицом к себе и отчеканить, что... Что чеканить-то?! Ну вот, кажись, приплыли. Забыла?

Когда Валерия рвалась в этот город, точно знала, что именно ему скажет. Даже не скажет, а выплюнет в лицо. Что пусть валит и все такое. Что не он ее бросил, а она решила прогнать. Что она жалеет о бездарно с ним прожитых годах. И жалеет, что не догадалась выставить его раньше. И горячая благодарность мадам Лепехиной и мадемуазель Лепехиной, что поспособствовали сему.

А теперь Валерия не знала, так ли уж она всерьез хочет весь этот ушат на мужа вылить, когда и если найдет его в этом городе. Более того, она уже была не уверена, что горит желанием его здесь найти. Хотя это разные вещи. Если найдет, то и выльет, у нее не заржавеет. Но лучше бы его тут не было.

Лучше бы обманулась Валерия в своих подозрениях. Приехать бы сейчас домой, отпереть квартиру, а там Лёнька бродит в носках и полосатых боксерах, сердитый и надутый от того, что она не предупредила и куда-то уехала, и не звонит, и эсэмэсок не пишет. А Лера его чмокнула бы в толстый нос и сказала весело: «Кончай гундеть, Лёнька, давай лучше ужинать». Ну, может, не ужинать, ужин-то она не приготовила. Может, чай пить. Он бы поворчал немного, а потом

спросил, как дела, и куда это она шлындраля на Михе. Михай она джип свой зовет. Она наврала бы что-нибудь, и все у них стало бы как прежде.

Как же – по-прежнему... Она что, забыла? Забыла, почему она здесь? Это не она шлындраля, это его не было всю ночь. Приехать домой и просто так сесть чаек пить теперь не получится.

На сцене на фоне расписного теремка исполняли дуэт и весело отплясывали, взявшись под ручку, мышка-норушка и лягушка-квакушка, а кто-то злой и страшный, не иначе как волк – зубами щелк, прятался за бутафорской елью, и дети вразнобой кричали писклявыми голосами, торопясь предупредить беспечных добрых героев о коварной ловушке, подготовленной серым негодяем.

Лёнька так и не появился. Ни к началу первого акта, ни к началу второго.

В гадостном настроении Валерия встала со скрипнувшего кресла. Делать тут ей больше нечего, и что делать дальше, она не знала. Лера вышла в гулкое пространство пустого фойе, где в уютной нишке рядом со входом в зрительный зал расположилась в кресле дама-контролер и читала какой-то журнал. Кажется, что-то про здоровье.

Дама взглянула поверх золотистой оправы на Леру и вновь уткнулась в глянцевые страницы. Бурова посмотрела на нее задумчиво, и язык сам проговорил:

– Извините, что отрываю... Не подскажите, а Лепехина

Антонина работает в вашем театре?

Дама отложила журнал в сторону и с любопытством посмотрела на Леру.

– Лепехина? Работает, – многозначительно растягивая слова, ответила она. – Только кем же вы ей приходитесь, если так ее назвали? В театре быть Лепехиной неприлично, тут она Аделаида Турчинская.

– А! – воскликнула Лера. – Квакушка, значит. А я ее и не признала. Грим очень густой. Вон же ее фотография, на той стене! И как я просмотрела?!..

– А вы, извините, кто будете? – с первобытной бесцеремонностью повторила вопрос контролера.

– Ассистент режиссера из Москвы, – бодро представилась Лера и сама себе удивилась. Выходит, годы дружбы с Киревой не прошли для нее даром. – Ваша Лепехина в кастинге собралась участвовать на главную роль в новом телесериале, прислала анкету с фотографией, – продолжила она фонтанировать, – но мы инкогнито проверяем, кто чего стоит. Так сказать, в естественной среде обитания.

– Ну и как? – ревниво спросила дама, скушав эту чепуху, не разжевывая.

– А никак. Ни фигу играть не умеет эта Лепехина. У нее не лягушка, а гусеница какая-то получилась, причем криволапая. Хотя квакает, надо заметить, отменно.

Дама удовлетворенно покивала:

– Совершенно бездарная актриса. Один апломб и ничего

больше. Да и образ жизни у нее...

Дама бросила на Леру многозначительный взгляд и потянулась за журналом.

– Позвольте, позвольте, – воспротивилась Лера, – как вы можете так разговор прервать? У вас же есть гражданская совесть? Мало ли что я главному доложу о ее бесталанности, а он возьми и прими ее в сериал, несмотря на мое отрицательное представление. А потом неприятности какие-нибудь случатся. Ведь тогда вы будете виноваты, что не предупредили!

Дама выпрямилась и произнесла сухо:

– Гражданская совесть у меня есть. Если бы не это, я бы смолчала, конечно же. Потому что сплетен не поддерживаю и сплетниц на дух не переношу. И сама никогда ни о ком... Но проинформировать обязана. Вы садитесь, – она указала на кресло рядом.

Валерия моментально в него плюхнулась и наострила уши. Контролерша, аккуратно разместив очки в футляре, а футляр – в накладном кармане льняного, с петухами по кайме, летнего жакетика, понизив голос, принялась информировать:

– Чтобы было понятно, с предыстории начну. Турчинская, Тонька Лепехина то есть, в театре давно, сразу после училища сюда и устроилась. И вроде бы тогда уже была в разводе, точно не скажу. Вокруг нее всегда мужики вились. А чуть больше года назад снова замуж вышла. От первого брака у

нее дочка осталась, однако поговаривают, что она ее родила еще до того, как первым разом замуж выскочила. Лично я к этой версии склоняюсь. Так вот, про дочку. Воспитала Тонька девчонку совершенно отвратительно. Да и не воспитывала, чего врать-то. Юлька совсем ее не слушается, к тому же хамка, врунья и бездельница. Школу окончила, поступать никуда не захотела и год моталась без работы. Но новый папенька таков оказался, что у него не забалуешь. Сказал, что тунеядку кормить не собирается, и как отрезал, Антонина даже пикнуть не посмела, чтоб дочку защитить, так-то. Хотя муженек ее не бедствует. По нашим меркам, понятное дело, не по столичным. Потому она, видно, и замуж за такого жигана решилась, что богатый и в авторитете. У этого Артура бильярдная на Привокзальной. А дружки у него, скажу я вам, такие, что лучше за версту обойти, все с наколками на пальцах. Конечно, Юлька не решилась мамкиному мужу перечить, на работу устроилась, но куда устроилась-то! Им сказала, что кассиром в парк аттракционов, а на самом деле – наркотики распространять. Но это потом вскрылось, после того, как Машу убили, а сама Юлька исчезла. И Димка, их заводила, тоже куда-то подевался, нет его дома. А как все было-то... Юлька с Машей и Димкой в одну школу ходили, правда, учились в разных классах. Видимо, они Юльку по старой дружбе и взяли в артель – на дискотеках какие-то бумажки и таблетки продавать. Экстази, что ли. А обе девки влюблены были в этого Димона по самые ушки, хоть парень

он так себе, пирог ни с чем. Так вот, недавно Машу нашли мертвую и с проломленной головой. Дома. Вернее, на съемной квартире. Она отдельно от семьи жила, однушку снимала. И кто ее уколошил, до сих пор не выяснили. Хотя бабки соседские поговаривают, что к ней Димон накануне заходил ненадолго. То ли один, то ли с Юлькой, непонятно, в показаниях старухи расходятся. Я так мыслю, что эти двое ни при чем. Мало ли кто мог к ней прийти позже, ночью, допустим? Нашли-то ее не сразу, только на следующий день. Вера, сестра, зашла навестить, звонила, звонила, Машка дверь не открывает, мобильник не берет. Ну, выломали дверь соседские мужики, Вера их попросила. Говорят, жуткая картина предстала!.. Марии череп проломили, просто все мозги наружу. А уж когда наряд вызвали, то полицейские нашли в квартире пустые упаковки из-под этой дури, экстази то есть. Естественно, сразу опросили молодежь, кто часто на танцы в «Клуб речника» ходит и на дискотеку в «Аврору», в бывший кинотеатр, они и выложили как миленькие. Что экстази – это вчерашний день, что с недавних пор у них покруче колеса появились. У этой тройки борзых, я имею в виду. Вот теперь и рассудите, что она за человек, Тонька-то. Дочь с наркотиками связалась, а этой и дела нет! Порхает как ни в чем не бывало, рожи корчит со сцены. Какое воспитание эта вертихвостка дала своей дочери, вам теперь тоже понятно? Как говорится, посмотри на плоды. Я сейчас обосную, почему вертихвостка. Вот, скажите, разве выйдет замуж прилич-

ная женщина за уголовника? А ее Артур точно уголовник, что с лица, что со спины. Бизнес, видите ли, у него официальный!.. Известно, зачем ему официальный бизнес нужен. Чтобы государство обманывать. А сам небось в задних комнатах не только бильярдные столы держит. Говорят, и в рулетку народ у него балуется.

Тут дама внезапно заткнулась и кинула на Леру опасливый взгляд, на который, впрочем, та никак не отреагировала. Валерия собиралась с мыслями.

Услышанное ее напугало. И вовсе не оттого, что новый супруг старой Лёнькиной подружки проворачивает на задворках своей бильярдной противозаконные делишки. Эка невидаль. Что сей Артур бандит и водит дружбу с такими же бандитами, Леру в восторг, конечно, не привело, однако суть не в этом.

Суть в том, что Лепехина-младшая по уши завязла в местном криминале. И скорее всего, смылась она из дома не из наивного желания найти исторического папочку, а чтобы отсидеться там, где ее меньше всего будут искать.

Чем это грозит Лере? Тем же, чем и Леониду, – доча непременно впутает их в глыбкоречинские разборки, если не втянула уже.

Лера задумчиво произнесла:

– Надо же, как все закручено... Почище, чем в сериале. А вы не могли бы уточнить, когда это событие произошло? Я имею в виду убийство девушки. Не припомните?

Только бы тетка не очухалась и не спросила, а какое, собственно, помрежу из Москвы до таких деталей дело, однако та рьяно закивала и принялась высчитывать даты.

Получалось, что стряслось сие аккурат за день до того, как в дверь квартиры Воропаева – Буровой позвонила глыбоко-речинская сиротка.

И ничего удивительного, что Лепехина-старшая не стала поднимать на ноги районную полицию из-за пропажи Лепехиной-младшей. Потому как Лёнька тут же позвонил бывшей пассии, чтобы разобраться, с какой стати ее дочь сидит у него на кухне. Возможно, примадонна сама подсказала чаду слинять от греха под крылышко к запасному папаше. Вполне, вполне. Забавно. Как все, оказывается, забавно. Но не смешно.

С другой стороны, есть еще некая московская подружка, у которой Юлия временно остановилась. Временно, пока добрый папа не снимет для своей девочки апартаменты. Или, на худой конец, пока новоиспеченная студентка не вселится в общежитие вуза, куда были планы наинепременнейше поступить.

Ну, про общежитие – это гон. И про вуз Лере теперь стало предельно ясно, хотя и прежде она не сомневалась, что сие есть махровое вранье. Возможно, про подружку вранье тоже. Но где-то ведь младшая Лепехина все это время проживала? И видно, что не на вокзале. Значит, подружка существует. Или друг.

А зачем тогда она по вечерам к ним таскалась? Чисто Лере нервы помотать? Ну, что ты, детка, отнюдь, не только. Не хочешь перевести стоимость Лёнькиного бизнеса в рубли? Не считая мелочовки на эскимо и помаду.

Тут контролерша все же очухалась и с запозданием спросила: а для чего, собственно, ассистенту режиссера из Останкино такие подробности?

– Да, знаете, интересно просто. Для полноты, так сказать, портрета. Выходит, Лепехина отправляла нам резюме уже после всех этих трагических событий. Цинично, не находите? Рвется в звезды телесериала, занимается карьерой, а между тем ее дочь попала в беду. И эта так называемая мать даже не делает попыток ее найти, чтобы прийти на помощь. Я правильно вас поняла? Попыток она не делает?

– Что я вам хочу сказать... – бросив взгляд по сторонам, вновь зашептала контрольно-билетная дама. – Нет, не делает. И это особенно цинично. То, что прыгает по сцене, я имею в виду. Ведь говорят, что Юльку тоже того... убили. Они же совсем пустоголовые, молодежь эта. Похоже, сговорились они деньги наркобарона зажать. За наркоту вырученные. Нашли, кого кидать. Вот Машку этот самый наркобарон и порешил в качестве наказания. Законы мафии, вы же понимаете. А теперь охотится за остальными, а они прячутся где-то. Если вообще живы. А кто он – никто не знает. Но поговаривают, что один из Артуровых дружков, только не местный, а московский. Просто жуть. А с этой – как с гуся

вода, вы же видели, квакает.

Валерия вытащила себя из кресла, расправила подмявшиеся капри. Улыбнулась дежурной улыбкой:

– Действительно, жуть. Но я думаю, что вы напрасно тревожитесь, и девица жива и здорова. И молодой человек тоже. Загорают вместе где-нибудь в Египте, потягивают коктейль через соломинку. Что же до этой вашей Турчинской... Не подходит нам такая актриса. Играет отвратительно, и облик аморальный. И семейка у нее аморальная. Именно так режиссеру и доложу. А вам огромное спасибо. Только прошу не рассказывать про наш разговор никому, особенно этой... которая квакает.

Недалеко от вокзала Валерия нашла маленькую блинную и пожевала гречневых блинов, обильно сдобренных сметаной. Меланхолично отхлебывая компот из стеклянного стакана с остатками золотистой каемочки, смотрела через окно на редких прохожих, не спеша идущих по делам, на мальчишек, толкущихся велосипедной стайкой на детской площадке. На полосатого кота, настороженно пригнувшегося в клевере газона и пасущего голубей-ротозеев.

Она отгоняла беспокойство. Беспокойство не отгонялось. Протискивалось между пресно-вялыми мыслями про то, что вот моталась сюда напрасно, что Лёньки здесь нет и не было, что не станет он крутить с замужней теткой – откуда Лера знает? – и что замужняя тетка побоится своего бандюка и не

будет крутить с Лёнькой. Откуда она знает?..

Домашний адрес Лепехиной Лера выяснять не стала. И даже не пыталась. Как «помощник режиссера» она свою миссию выполнила, неофициальные данные о «претендентке на роль» собрала, зачем же ей еще и место ее проживания? Контролерша запросто могла бы насторожиться, сообразив наконец, что здесь что-то не так. В результате адрес Турчинской она, возможно, по инерции бы и выложила, однако потом самой «квакушке» не преминула бы насвистеть, что о ней плотно наводили справки. Валерия этого допустить не могла.

Она сначала ждала, когда закончится спектакль, затем, уже на улице, высматривала, когда звезда провинциальной сцены выйдет из служебного входа, избавившись от лягушачьего грима. Затем, мучаясь от унижения, следовала за ней по пятам, желая убедиться, что Лёнька не сторожит Аделаиду где-нибудь в подворотне, скрываясь от подручных ее бандюги. Или что не назначена у них встреча в каком-нибудь маленьком кафе.

Преследовать пришлось сначала пешком, а потом сидя в скрипучем автобусе, натянув по самые уши кепку-германку и спрятав лицо за желтыми стеклами водительских очков. Автобус довез их до окраинных улочек с палисадниками перед покосившимися домиками и с резными ставнями на окнах.

«Неужто вот так, по-простому, и живет наша служитель-

ница муз?» – подумала с вялым сарказмом Бурова.

Антонина, однако, прошагала по утоптанной тропке, заменяющей здесь тротуар, вдоль неровной шеренги кривеньких изб и свернула в тупичок, закупоренный на другом конце свежестроенным, силикатного кирпича, забором с металлическими воротами и тяжелой, как дверь банковского сейфа, калиткой. Поверх забора выглядывал суровый особняк под черепичной готической крышей. Лепехина повозилась с замками и исчезла в бетонной глубине двора.

Валерия презрительно скривилась. Иметь такие хоромы и перемещаться по городу на раздолбанном автобусе?

Хотя это ее не касается. Что ей самой-то теперь делать?

Понятно что. Идти на остановку и ждать раздолбанный автобус, возвращаться к брошенному впопыхах Михе. Леонида она не нашла, и следов его тоже, но отрицательный результат ее устраивал больше, хотя ничего не доказывал.

И Лера побрела на остановку. Стоя в обществе двух женщин зрелых лет и одного пацана, она ни о чем не думала, лишь чувствовала усталость и невнятный стыд, хотя ей стыдиться, по большому счету, было нечего. Если только того, что поддалась порыву, кинувшись в чужом городе разыскивать мужа, и повелась на ревность, но тут больше уместна досада.

Когда из-за поворота выполз транспорт, к их компании присоединилась Антонина. Если бы не тетки, Лера ее ни за что не признала бы. Актриса сменила прикид, и теперь вме-

сто воланов и оборок синтетического шифона на ней были вполне демократичные джинсики и туника, а козырек бейсболки и кислотно-розовая помада здорово меняли ее лицо. Но одна из теток с ней поздоровалась, окликнув по имени, а вторая слащавым голосом ненатурально поразилась, как это Тонечка смогла сохранить фигуру подростка в свои за сорок.

Турчинская в ответ пробормотала что-то неразборчивое и полезла на подножку подошедшего автобуса. Лера, спрятавшись за спинами теток, вошла следом, решив продолжить слежку. Раз уж так все сложилось.

Она довела Лепехину до вокзала, она стояла у билетной стойки, когда та покупала билет в Москву. Она проводила Лепехину к электричке и видела, как Антонина вошла в вагон и уселась у окна, надвинув кепку почти на глаза и уложив на колени сумочку «под питона».

Поезд тронулся, а Лера отправилась в блинную заедать неудачу и привести мысли в порядок. Мысли и чувства.

Валерия не нашла в этом городе Лёньку, но плохо это или хорошо? Скорее хорошо. Однако ведь куда-то же он делся? Ворopaев не из тех, кто не приходит ночевать по причине приступа блудливости, замаскировав его под встречу с пацанами или подтянув предлог сурово обидеться на жену.

Тревога, которой Лера затыкала рот все то время, пока гонялась за фантомами собственного производства, освободилась от кляпа и заорала на нее в полный голос.

Ты что, отупела?! Ты так и не поняла, что означает исто-

рия, которую слила тебе тетка-контролерша? Лёнька в беде!

Он ринулся выручать эту мерзавку и сам попал под раздачу. А мерзавки, кстати, что-то давно не было видно. Эта льстивая маленькая дрянь запросто могла разжалобить Воропаева, и тот решил вступить за бедную девочку. Но силы оказались неравны, и тогда мафия...

Уверенность, что с мужем случилась беда, окрепла настолько, что Лера больше не могла спокойно сидеть в уютной глыбокоречинской блинной, попивая компот и рассматривая прохожих. Она метнулась через тесный зальчик на выход, торопливо доставая ключи от машины и ругая себя последними словами.

Если Лёньки дома не окажется, она заявит в полицию, и плевать, что там про нее подумают. Ну и пусть думают, что она истеричка или, того хуже, брошенная жена, а ее муж – кобель, фиг с ними со всеми. И пусть только попробуют ей отказать, сославшись на идиотские правила, пусть только попробуют... Она им устроит...

Лера гнала Миху в Москву.

Был вечер. Ранний, солнце пока высоко, но ей еще ехать и ехать. Она устала как собака, она вымоталась за этот ничемный день, а тревога, запустившая клещи под ложечку, мучительно вытягивала жилы. На душе погано.

Не отрываясь от руля, Лера поочередно набирала домашний номер и номер Лёнькиного сотового. Домашний гудел длинными безнадежными гудками, которые уступали оче-

редь автоответчику. Тот насмешливым Лёнькиным басом оповещал об отсутствии хозяев, а его сотовый все время был недоступен.

И когда она уже дошла до тупого и безнадёжного отчаяния, домашний запиликал тоненькими «занято». Это случилось на подходе к московской Кольцевой, и Лера радостно выдохнула. Значит, он не в лапах мафии, значит, Лера успеет его предупредить.

Она подкатила к обочине и вновь набрала номер. А потом поставила автодозвон. И сидела, уставившись на дисплей смартфона, ожидая ответного сигнала.

Она просидела так минут десять, не меньше, пока не раздалась длинные гудки.

Сейчас он снимет трубку, и Лера скажет, что скоро придет. Без объяснений. Просто: «Сейчас приеду».

Про девочку Юлечку она поведает мужу дома. И они вместе подумают, как им быть. Возможно, Леонид совсем не в курсе дочкиных подвигов, если решил подарить ей бизнес. Но мы это исправим. А может, Валерия вообще все не так поняла про это дарение, и самое умное, что сегодня же должна сделать, так это спросить у Лёньки напрямик. А не психовать, с готовностью уверовав в его низость.

Трубку муж снимать не спешил.

Лера угрюмо слушала мерные безжизненные звуки и размышляла. А во сколько, интересно, на московский вокзал прибыла электричка с Тоней Турчинской на борту?

Зашибись. Выходит, нет никаких трагедий. По крайней мере, в жизни ее мужа. Или как теперь лучше Валерии его называть? Бывшего мужа? Официального мужа?

Воропаев, конечно, дома. И конечно, он не один. Хотя, возможно, что все еще один и только готовится к встрече с любимой. Не с Лерой, нет. С любимой. Но, что совершенно точно, с законной женой он разговаривать не желает. Аппарат у них навороченный, с определителем, и муж в курсе, кто рвется с ним пообщаться. Он не готов выяснять отношения, особенно перед встречей с любимой.

Ну что же, тогда Лера побеседует с автоответчиком. И Лера опять набрала номер.

Со злым задором, чтобы голос не показался несчастным, объявила, что все поняла, не дура.

– Тебе настолько неприятно со мной разговаривать? Предполагаю, что видеть меня – тем более. Расслабься, мешать не стану. И надоедать тоже. И домой не приеду, можешь быть уверен. Мне есть где жить, сколь угодно долго.

И нажала на кнопку «отбой».

– Это кто, мамашка твоя вякала? – с глумливой усмешкой спросил второй, остановившись напротив дивана.

Она мотнула головой, не вдаваясь в подробности. Пока она не знала, как лучше себя вести и что сказать. А так – вроде бы и не сказала, а вроде бы и ответила.

Первый, вернув телефонную трубку на базу, скомандовал:

– Поехали. Проверь коридор и выводи девку. Смотри, цыпа, только без фокусов, – это уже к Юле.

Второй ухватил ее за руку и выдернул с дивана, где она все это время сидела, силясь понять, что за фигня происходит.

Проходя мимо саквояжа, который валялся на полу в коридоре, второй ткнул кроссовкой кожаный бок. В нутре что-тобрякнуло. Он наклонился и расстегнул молнию. Присвистнул. Поднял голову и посмотрел насмешливо на Юлю.

– Уважаю, – сказал второй и приподнял саквояж, примериваясь прихватить.

– Охренел? – процедил первый.

– Да ладно тебе, не пузырься, – ответил второй, а первый, сплюнув, вышел в лифтовый холл.

Любовь Матвеевна повернула голову на шум мотора и всмотрелась в другой конец дачной улицы, отороченной с обеих сторон зеленой подпушкой кустов акации и шиповника. По освещенной мягким закатным солнышком асфальтированной дорожке медленно и осторожно пробирался тяжелый джип семейства «Мерседес».

Было то самое время суток, когда члены дачного сообщества в сопровождении своих внуков, собак и кошек совершали ежевечерний променад, и джип, конечно же, должен быть осторожным, если не хотел отдавить хвост какой-нибудь кудлатой псине или обидеть бестолковое дитё, переехав передним правым его веселый резвый мяч.

– Соседка ваша прибыла? – спросила Валентина Федоровна с двадцать второго участка. – И как вы с ней ладите-то, Любовь Матвеевна?

Дамы коротали вечер на лавочке рядом с калиткой, ведущей на садовый участок Любови Матвеевны и находящейся через три дома от садового участка Валентины Федоровны, и Любовь Матвеевна как раз делилась с Валентиной Федоровной рецептом консервированного салата из кабачков, моркови и лука, а Валентина Федоровна ей говорила, что «ах, какой чудный салат», и она себе непременно закатает на зиму несколько баночек.

– А что в этом такого, Валентина Федоровна? – прикинулась Любовь Матвеевна.

– Да как же, что такого? Это же не женщина, а асфальтовый каток. Я, к примеру, ее побаиваюсь. Хотя, вам, может, и привычно, у вас сестра тоже с характером.

Любовь Матвеевна с лавочки встала и сказала безразличным голосом:

– Вы заходите как-нибудь, Валентина Федоровна.

И пошла неторопливо к калитке. Она не любила, когда намекали на ее мягкотелость.

Но разве она мягкотела? Просто она не заводится из-за ерунды, а многие считают это чуть ли не бесхребетностью и даже беспринципностью, что вовсе уж ни в какие ворота. У Любови Матвеевны железные принципы, но они не имеют никакого отношения ни к мелочному упрямству, ни к такому

же мелочному желанию настоять на своем.

Хотя перед соседкой она, по правде говоря, тушевалась, а это было неправильно, в ее-то возрасте. Все же шестьдесят седьмой годок пошел.

И где ж вы, лихие батальоны бабулек конца семидесятых, сидящих, бывало, плотно, словно горошины в стручке, на скамейках возле подъездов панельных пятиэтажек и наводящих страх и трепет на жильцов дома от трех до сорока и старше?..

Давно минувшая идиллия.

Вот сестра ее двоюродная, Нина Петровна, могла бы вписаться в ряды старой гвардии, но и та не заводилась с Валерией Львовной, хотя скандалить любила страстно. Правда, сама Нина Петровна не считала себя скандалисткой, поскольку и вовсе она не скандалит, а высказывает личное мнение, на что имеет полное право.

Поначалу Нина Петровна и на соседку пыталась наехать со своими «мнениями», но та не дрогнула, зато сама кузина схлопотала от Лерочки в ответ несколько тяжеловесных плюх и увяла, и с тех пор старательно не замечает недостатки ни в соседке, ни в соседкином хозяйстве.

Любовь Матвеевна задвинула на калитке скрипучий за-сов, но тут же вспомнила про Тугарина, который все еще где-то гонял с друзьями.

Тугарин, а по версии внука Константина – Тугрик, мог бы стать для Любви Матвеевны компаньоном, если бы не был

таким непоседливым и несговорчивым, поэтому временами он был ее головной болью, а временами даже и наказанием, и лишь в промежутках – компаньоном, но это случалось редко.

Внешне Тугарин являл собой помесь терьера и шнауцера, причем какого именно терьера с каким шнауцером выяснению не подлежало, однако Любовь Матвеевна была убеждена, что редкостный собачий нигилизм он унаследовал именно от кичливых высокородных предков.

Любовь Матвеевна пригрела его еще щеночком и совершенно не подозревала, какое чудовище вырастет из крошки уже через полгода, ну а потом было поздно. Не только в том смысле, что мы в ответе за всех, кого приручили, хотя это и так. Но она прикипела сердцем к твякяющему созданию, не желающему признавать дисциплины и рвущемуся настоять на своем.

Соседи по городской квартире намекали, что Любовь Матвеевна сама виновата, проявляя мягкость там, где нужно быть непреклонно твердой, но сначала ей было Тугрика жалко, а потом он уже сел ей на голову, и проявлять твердость стало бессмысленно. Она к нему все же приноровилась и научилась кое-как управлять, но иногда ей казалось, что редкие случаи, когда пес слушался ее команд, объяснялись тем, что Тугрику просто делалось хозяйку жалко. Или стыдно. Но в версию Тугрикова стыда Любовь Матвеевна верила не очень.

На даче, куда хозяйка заезжала с мая по октябрь, для мел-

кого прониры была настоящая вольница. Никто не сажал его на поводок и не дергал ежеминутно, чтобы он не смел и сейчас же выплюнул, ну и так далее. Хотя, если хозяйке дать волю, то она и здесь, на участке, таскала бы его за ошейник. Однако, осмотревшись, Тугарин понял, что в среде дачных аборигенов так не принято, и хозяйка не пойдет наперекор общественному мнению, поэтому он вздохнул спокойно.

На самом-то деле Тугарин старался быть хорошим псом, потому что свою хозяйку любил, все же он был собакой, но ничего не мог поделать со своей живой натурой, которая все время подстегивала его к поступкам, не предусмотренным уставом.

И кстати, в отдельных недоразумениях хозяйка бывала виновата сама, не объясняя толком, что от собаки хочет. Взять, к примеру, случай, произошедший прошлым летом, когда он решил ей услужить и насобирать побольше жутких колючих медведок, от которых его, по правде говоря, тошнило. Но хозяйка похвалила «хорошего мальчика», когда тот раздавил одну, выцарапав из грядки с морковкой, и на следующее утро медведки на всем ее участке были подвергнуты тотальному уничтожению, а вдоль уродливых комковатых шрамов, которые совсем недавно были аккуратными грядочками, лежали вывернутые из земли вялые трупики морковки, редиски и свеклы.

Ну а как иначе она себе это представляла? Вредоносные твари пытались скрыться, пришлось хорошенько пора-

ботать когтями, разрывая жирный чернозем. Зато их набралось с небольшую кучку. С арифметическим счетом у него не очень...

Он тогда здорово обиделся. Хозяйка отшлепала его свернутой в рулон газетой, возмущенно выговаривая, что он бандит и хулиган. Но потом он решил не обижаться. Женщина – что с нее возьмешь! Сама не знает, что хочет. Пожалела медведок...

Завидев, что хозяйка вошла в калитку, не дожидаясь его и даже не покричав, как полагается: «Тугарин, ты где? Домой!», он наскоро попрощался со сворой, снялся с места и обеспокоенно заспешил к дому, сохраняя, однако, вид спешки деловой, а не заполошной, еще чего. Его подстегивала неприятная перспектива лаять возле забора, просясь, чтобы она его впустила внутрь, а это чрезвычайно нежелательно, пацаны потом засмеют.

Гамильтон, шоколадный пудель, особым ехидством отличается, да и беспородный Тяпыч припомнит.

Хозяйка калитку приоткрыла, намереваясь выйти на дорогу и все-таки ритуал совершить, покликав пса, и тут же чуть о него не споткнулась.

Пес ткнул ее мордой в коленки, провез по голым лодыжкам жестким косматым боком, протискиваясь за ограду, и поскакал в сторону веранды, где располагалась его миска. Обнаружив миску пустой, галопом вернулся обратно к калитке, возле которой все еще возилась хозяйка, и укоризнен-

но гавкнул.

Любовь Матвеевна сказала с напускной строгостью:

– Потерпи, Тугарин, надо еще Майину покормить.

Тугарин недовольно поворчал и вернулся к миске, чтобы ее хорошенько погонять. Посудина была из звонкой нержавеющей стали и, ударяясь о кирпичный бордюр садовых дорожек, дивно гремела, помогая ему скоротать время до ужина.

Любовь Матвеевна махнула безнадежно рукой и направилась к небольшому загону из штакетника, в периметре которого бекал и стучал копытцами ее действительный кошмар. А ведь были минуты, когда она считала, что ее кошмар – Тугарин. Напрасно она так считала, обижая славное животное. Тугрик у нее просто чудо, тихое и послушное. Подумаешь, тапки ворует у соседей. Или садовые перчатки, забытые с вечера на ступеньках крыльца. Или стягивает выстиранное исподнее с бельевой веревки и развешивает по смородиновым кустам. Это все милые шалости. Но вот Майина...

Коза Майина появилась у Любови Матвеевны только этой весной, но никакого отношения к козе сама Любовь Матвеевна не имела. Это была затея Нины, двоюродной сестры по маминой линии.

Нина Петровна на дачу приезжала изредка – во-первых, потому, что, несмотря на пенсионный возраст, все еще работала, выполняя обязанности курьера в юридической фирме, а во-вторых, потому что дачный дом был не ее, а Любин. Од-

нако все же приезжала, хотя в эти визиты к садово-огородным делам, коих множество, не подключалась, а отдыхала, отсыпаясь до обеда, а затем, перекусив бутербродиком с копченой колбаской, прохаживалась по дорожкам между грядками и раздавала указания, не забывая по ходу покритиковать, а также попенять кухне за то, что предыдущие наставления та не исполнила и дельных замечаний не учла.

Когда с возрастом Нину Петровну принялись атаковать болезни – а болеть она не привыкла, поскольку всегда отличалась завидным здоровьем, – она приступила сначала к самолечению, нахватавшись советов в различных журналах и у подруг, а затем все же сдалась и отправилась по врачам. Ей назначили обследование, затем предложили попить то и это, позаниматься лечебной физкультурой и что-то такое еще поделать в кабинете физиотерапии.

Терпения ждать, когда все это схватится и подействует, у Нины Петровны не было. Она сделала решительный вывод, что бесплатная медицина лечением больных не занимается, что «тут мы никому не нужны, тем более пенсионеры», и рванула в медицину платную, но быстро поняла, что там то же самое, только за деньги, хотя уважения, конечно, больше.

Вернувшись в коридоры районной поликлиники, приготовилась к новому витку обследований и назначений, но тут ей удивительно повезло.

Соседка по банкетке у дверей врача-эндокринолога поделилась с ней рецептом исцеления буквально от всего, кото-

рым она сама, то бишь соседка, непременно бы воспользовалась, если бы не жилищные условия и строгий зять.

– Вот вы про кошек, конечно, слышали? – вопрошала ее новая знакомая. – Конечно, должны были слышать. Но кошка это, как бы попроще, скорее профилактика расстройств, а если вы уже обзавелись букетом, то одной кошки вам будет мало. Ну и правда, что может кошка, если у вас, допустим, печень пошаливает или вообще поджелудочная железа? Кошки только стресс снимать и умеют. Поэтому нужна коза. Коза – та все симптомы уберет, да что там симптомы! Вылечит абсолютно. У меня одна знакомая таким образом от ревматизма избавилась и, кстати, близорукость у нее уменьшилась тоже.

О чудесных возможностях парнокопытного полорогого новая знакомая говорила с пылом менеджера-виртуоза из отдела продаж.

Нина Петровна сосредоточенно ее слушала, параллельно пытаясь сообразить, что можно предпринять, чтобы обзавестись этим живым артефактом, ведь квартирные условия у нее тоже не очень.

Когда же добрая женщина поведала, как именно следует исцеляться козой, в голове у Нины Петровны что-то щелкнуло и ответ высветился сам собой.

– Значит, так, – приступила к конкретике доброхотка, – сначала необходимо напоить козу родниковой водой, но прямо из ладони. Зачерпнете из родника и ей сунете в морду,

пусть попьет. А потом нужно ее гладить по голове, чтобы настроиться с ней на одну психоэнергетическую волну. Гладьте ее до тех пор, пока не ощутите, что контакт между вами налажен. Как только почувствуете связь, осторожноенько возьмите ее за рожки, сядьте на корточки перед ее мордой и начинайте всматриваться прямо в зрачки. Важно, чтобы при этом ваше воображение было задействовано, вы должны себе ярко представлять, как силы первобытной природы вливаются через зрачки и ладони прямо в ваши энергетические каналы.

Про «вливающиеся силы» и «каналы» тетка явно где-то наслушалась, но сама идея с козой вызвала в душе Нины Петровны резонанс, и артефакт был ею незамедлительно куплен.

Так у Любви Матвеевны и оказалась в жиличках Майина – вредное создание черно-белого окраса, не знающее благодарности и иных положительных качеств.

Откуда ее Нинка выкопала, Любаша не допытывалась, но по всему видно, что не с общественного скотного двора. Настолько испортить характер животному могла только безголовая богатая бездельница, получившая щеночка, тьфу – козленочка, конечно, козленочка, в подарок на Новый год в качестве счастливого талисмана.

Главное, что наказать, как следует, козу Любовь Матвеевна не могла. Не поднималась у нее рука с хворостиной на эту зловредную скотину, вот не поднималась, и все. Да и нелов-

ко было – все же не ее коза, а сестрина.

Поперву сестрица наезжала чуть не по два раза в неделю, чтобы принимать лечебные процедуры, прихватив Майку в соседний лесок, где бил слабенький ключ возле болотца. А потом, видно, охладела и стала приезжать пореже.

Любови Матвеевне, как и всем прочим дачным знакомым, введенным в курс дела, объяснила это тем, что толк от козы она почувствовала, и толк весьма значительный, в связи с чем и надобность в частых процедурах отпала, да и животное необходимо беречь, чтобы не истаяло от частых энергетических потерь.

Про энергетические потери – это Нинка зря. Чего-чего, а энергии этой рогатой шельме не занимать, как, впрочем, и хулиганств всяческих. Как будто нечистый толкал Майину в лохматый бок, науськивая на проказы. Проказит коза, а Тугрику достается.

Любовь Матвеевна до сих пор вспоминала с содроганием происшествие двухнедельной давности, когда Майка, пытаясь протиснуться в обнаруженный ею лаз, застряла под забором, отгораживающим участок Любови Матвеевны от угодий Петуховых. А лаз проделал Тугарин, однако, понятно, что рыл его под себя, то есть лаз был весьма неглубоким. Хорошо, что Петуховых в тот день не было на даче.

Костику, внуку, пришлось через забор перелезть, чтобы высвободить паршивку. Видать, соблазнилась капустными всходами, когда, не подумав, ломанулась следом за юрким

шнауцер-терьером. Морду она пропихнула, ноги передние, а заднюю часть приплюснуть как следует не смогла. И обратным ходом вылезти не получалось, рога мешали, цепляясь за кромку забора.

Блеяла коза дурниной. Любовь Матвеевна, услышав надрывные рулады, даже с испугу решила, что переехал чудовище пополам трактор, который разъезжал в тот день по поселку, собирая в прицеп строительный мусор с нескольких дачных участков, где новые господа затеяли строить палаты.

Но все оказалось не так трагично, хотя и не безболезненно.

Костик, перелезая через забор, штаны не продрал и локтей не оцарапал, но насмерть перепуганная Майка тяпнула его за палец вполне по-собачьи, когда он принялся вправлять ее рогатую морду в узкий лаз, пытаясь придавить ее башку поближе к чернозему и развернуть по часовой. Он впихивал козу обратно, а Любовь Матвеевна с той стороны забора тянула козу на себя, ухватив ее за задние копыта, а возбужденный происшествием Тугарин скакал по грядкам Петуховых и заливисто лаял, ломая сочную ботву моркови и свеклы, которой Майина тоже бы не побрезговала.

Потрепанную и злую Майку снова заперли в загон у сарая, где она пробудет ровно столько, сколько ей не надоест.

Перепрыгивает, шельма, со свистом перепрыгивает, и ничего тут не поделаешь.

Поначалу Любовь Матвеевна ее веревкой к колышку при-

вязывала, но быстро поняла, что смысла нет. Перегрызает коза веревку или выдирает с колышком. В сарае день и ночь животное держать совесть не позволяет. А сажать рогатую торпеду на цепь, аки пса сторожевого, не позволяет Нинка, да и самой Любе это неприятно.

Хорошо еще, что соседи с юмором все воспринимают. Тут ей пока везет. Любе, в смысле, везет, не козе. Козе что, козе на все начхать.

А Тугрику тогда досталось газетой по шерстяной заднице. Ему было строго-настрого велено больше под соседей не подкапываться и Майину на хулиганства не толкать. И вообще, он же сторож, мог бы и присмотреть за козой.

На сей выпад Тугарин явно оскорбился, дав понять, что он не сторож, а охотник, и уж тем более не козий пастух.

И теперь вместо того, чтобы варить смородиновое варенье или отдыхать в тенечке с книжечкой, Любове Матвеевне приходится целыми днями присматривать за беспокойными подопечными, чтобы опять чего не начудили.

Хотя смородины в этом году уродилось не очень. Да и откуда ей взяться, смородине, если пес на кустах развешивает Любины панталоны, а вырвавшаяся на свободу коза хрустит несозревшими ягодами, не брезгуя побегами?

Любовь Матвеевна вошла в загон с тазиком на бедре, Майина простучала копытцами, подбегая к хозяйке.

Конечно, это тетя Люба ее хозяйка, а вовсе не та, похожая на жердь, бабка, которая наезжает лишь по выходным и то

лишь за тем, чтобы нудно и свирепо молчать, сидя на корточках напротив, и сверлить Майину фанатичным взглядом, перепрыгивая с одного ее глаза на другой.

А эта – ничего, кормит, добренькая.

Надо ей намекнуть, что та бабка Майине надоела, пусть прогонит. А то Майка хоть и терпеливая коза, но лопнет терпение, и припустится она по лесным буеракам от этой зануды подальше. Или боднет хорошенько. Бодаться она умеет.

Хозяйка поставила перед Майкой тазик с силосом, налила в другой тазик воды из пластиковой бутылки, а потом, покопавшись в кармане фартука, извлекла на свет оранжевую сочную морковку.

Майина сунула рыльце ей в ладонь.

– Морда козья! – услышала Лера возмущенный фальцет, донесшийся со стороны соседнего участка.

Значит, опять коза Майина боднула тетю Любу под коленки на выходе из загона. Вероятно, ждала две морковки, а получила одну.

Хорошо еще, что острые рожки парнокопытной Любови Матвеевны обезопасила, надев на них куски садово-огородного резинового шланга ярко-бирюзового цвета. Поначалу Майина пыталась избавиться от аксессуара и предпринимала попытки идиотский кембрик с рогов стащить, но с ходу у нее это не получилось, а по прошествии времени с ощущениями коза сжилась и бунтовать перестала.

Прикольное существо. Хотя соседскую козу Лера не лю-

била. Вернее, относилась к ней индифферентно, не утруждаясь строить умильную физиономию при появлении в поле зрения этого условно домашнего животного.

Лера загнала Миху в гараж, проверила замок на воротах, а потом поднялась по ступенькам крыльца и вошла в свой обожаемый дом. Распахнула дверь настежь, чтобы впустить внутрь вкусный вечерний воздух. Прошлась босая по комнатам, распахивая створки окон и на ходу здороваясь с домом.

Кто-то громко затопал по крыльцу.

– Лер, ты, что ли, прикатила?

С голым торсом, в клетчатых бермудах и кроссовках на босу ногу в дверном проеме возник сосед Костик, долговязый и тощий внук Любови Матвеевны. Костику года двадцать два, и он учится в институте. В педагогическом, что ли. Сейчас у него каникулы. Если, конечно, хвостов не нацеплял. Нормальный, в принципе, пацан. Вредный, конечно, но Лера с этим уж как-нибудь справится.

– Кто же еще?.. – буркнула Лера, мельком взглянув в сторону гостя.

– Лер, сигаретки у тебя нет? У меня кончились, – ничуть не смутившись тому, что соседка явно не в духе, жизнерадостно прогрохотал Константин.

– Посмотрю. Есть, конечно.

Лера подошла к вешалке, пошарила в дорожной сумке, брошенной на скамейке под куртками и дождевиками. Извлекла пачку и протянула Костяну.

Тот вытряхнул одну, сунул в рот и вернул пачку Лере. Похлопал по штанам, ища зажигалку. С сигаретой в зубах пропыхтел просительно:

– Дай зажигалочку, а?

Они пристроились для перекура на ступеньках крыльца. Говорить Лере ни о чем не хотелось, а вот Костик, напротив, фонтанировал:

– Чего одна? Лёню куда дела? – спросил он, примеряясь поднести огонек к сигарете.

– Работает Лёня, – кисло сообщила Валерия и поторопила: – Давай уже, прикуривай.

Когда ее накрыл приступ дурноты, как две капли воды похожий на тот, что случился с ней вчера утром, Валерия, кажется, даже не удивилась. Она лишь поспешно отложила сигарету и, отвернувшись от соседа, принялась торопливо сглатывать горькую слюну. Блевать в присутствии бесцеремонного студента, который данный факт не пропустит и непременно тупо прокомментирует, ей не хотелось категорически. Но тут она услышала надсадное Костиково кхеканье и резво повернулась на звуки.

Костик, перегнувшись вбок от ступенек, отплевывался и откашливался, в промежутках восклицая: «Что за фигня?»

– Ты чего? – спросила Валерия с напряженным интересом. – Съел что-нибудь?

– Фиг его знает, – отдышавшись, пропыхтел Константин. – Вроде ничего такого. Да ты не парься, сейчас пройдет. Мы

эту фигну сигареткой простерилизуем.

С этими словами он под пристальным взглядом Валерии вновь глубоко затянулся, и тут его накрыло. Хорошо, что успел добежать до хозблока и завернуть за угол, и уже там, в тесном промежутке между забором и стенкой сарая, дал волю возмущенному организму.

Когда растерянный и помятый он вернулся к крыльцу, Лера уже поджидала его с кружкой холодной воды.

Костян плюхнулся на ступеньку и взял кружку. Отпил половину, вытер тыльной стороной ладони губы. А Лера стояла над ним и задумчиво вертела в руках сигаретную пачку. Потом неожиданно скомандовала:

– Надо кое-что проверить. Пошли в дом.

Костик вяло приподнял зад от ступеньки и с кружкой в руке двинулся следом.

На кухне Лера торопливо хлопнула по выключателю, зажигая верхний свет, а потом сбегала за настольной лампой на мансарду. Распахнула створку шкафчика и достала с полки одноразовую тарелку. Вытащила из пачки сигарету и выложила ее на пластиковый кругляк. Костик, по обычаю, собрался сказать что-нибудь остроумное, однако ничего достойного придумать не успел, острым коготком Лера вспорола сигаретную гильзу.

И когда нервничающая соседка принялась придиричиво рассматривать на белом поле пластика мелкое табачное крошево, разворошив зубочисткой ржавую кучку, он первый за-

метил такое, чего совсем не должно присутствовать в сигаретах. Колючки. Несколько острых и твердых, как швейные иглы, колючек миллиметров пять длиной, а то и все восемь. Не разломав сигарету, обнаружить их было проблематично, поскольку располагались иглы мелким снопиком строго вдоль сигаретной оси.

Их было немного, Костик пересчитал. Пять. А нет, вот и шестая. Колючки среди табака выглядели зловеще. Зубочисткой он отогнал от общего стада один экземпляр и, пригнувшись к столешнице, принялся рассматривать.

Интересно, эта фигня от шиповника? Или от кактуса? Если от кактуса, то от гигантского.

– Клево. Прикольный девайс, – констатировал он, выпрямляясь. – Новая модная дурь? На старости лет решила податься в растоманы? И где ты это надыбалла?

Лера, привычно не обратив внимания на «старость лет», пробурчала:

– Сама накрутила.

Она разломала еще сигарету, а потом еще. Кучка табака на тарелке росла, Лера мрачнела.

«Прикольный девайс» присутствовал в каждой гильзе.

Она совершенно забыла про вчерашнее утреннее происшествие. Этот пустяк померк в свете прочих неприятных событий, навалившихся на нее больше суток назад. Да и не хотела Валерия держать в голове инцидент с внезапной тошнотой, сильно смахивающей на токсикоз первого триместра

беременности. Зачем на этом заикливаться и портить и без того поганое настроение?

Стоп, а когда вообще она в последний раз курила? И доставала ли она сигареты именно из этой пачки? И как данная пачка оказалась при ней, если совершенно точно Лера оставляла ее на кухонном столе в московской квартире? А может, это другая пачка?

Да откуда другая-то?! Другой просто нет. С некоторых пор Лера перестала «покупать лошадей конюшнями», иными словами – в запас блоками, стараясь все же курить пореже. Кончатся сигареты, тогда иди покупай. Кончатся поздно вечером – жди до утра, здоровее будешь. Иногда получалось.

Значит, никакой другой пачки быть у Леры не может. Потому что Лёнька не был заядлым курильщиком и свои сигареты в дом не приносил, а держал в бардачке «Тойоты». Иногда с мужиками выкурит за компанию, для поддержания атмосферы дружбы и доверия, и все.

Выходит, сегодня утром Лера прихватила сигареты с кухонного стола. Те самые. Могла. На автопилоте. Она была в таком состоянии, что сейчас не вспомнит, как Миху выводила из гаража.

Допустим. И что это значит?

– Кость, а я вчера курила? – задала она идиотский вопрос.

– А ты думаешь, почему у меня сегодня нет сигарет? – язвительно хмыкнув, спросил Костик.

– А... Понятно...

Она вспомнила вчерашний нудный день здесь, на даче. Как бродила между грядками, избегая смотреть в сторону Лёнькиного пруда. Как, тоскуя, зашла в гости к тете Любе и та угостила ее печеньем, а Костик щедро поделился куревом. Как вечером, вернувшись в Москву и обнаружив квартиру пустой, уже не могла видеть сигареты, накурившись за день до «котлеты» во рту. Вечер и ночь коротала, меряя пространство жилища шагами, а точнее – металась из угла в угол, не в состоянии надолго отвлечься на интернет и ТВ. Хорошо, что удержалась от спиртного.

– Знаешь, мне тоже понятно, – протянул сосед многозначительно-ехидным тоном.

– Чего тебе-то понятно?! – вдруг взвилась Валерия. – Мне непонятно, а ему понятно!

– Да ладно тебе, не горячись. Ничего такого, подумаешь – провалы в памяти. С пожилыми такое случается.

– Да при чем тут какие-то провалы?! – рявкнула на соседа Лера. – Откуда здесь колючки, можешь сказать?

– А я знаю? Это ж твои сигареты.

Валерия молчала, а до Костяна начало кое-что доходить:

– Так ты чего, Лер, думаешь, это из-за колючек меня вывернуло? Тогда почему тебя не вывернуло?

– Я всего одну затяжку сделала, – мрачно проговорила Лера. – Меня тоже затошнило.

– После одной затошнило?! Ну, приколы... А я пару раз успел затянуться. Фигасе, а штука-то забористая!

Тут Костик хлопнул себя по коленке и весело провозгласил:

– Я допер! Лер, это тебя муж отучает от курева, точняк. Небось какие-нибудь бабушки-старушки подсказали. Травницы-знахарки. Или в интернете надыбал рецептик. Прикинь, сидит такой Лёня, кактус бреет и сигареты колючками шпигует. И матерится! Прикинь, сколько он себе заноз впалял!.. Он в последнее время тебе предьявы не делал? Типа, от женщины должно пахнуть не пепельницей, а молоком? Не бухтел, что здоровье губишь?

При упоминании о молоке Леру передернуло.

– Предьяв не делал и о здоровье не бухтел, – проскрипела она.

А сама подумала, что, в принципе, на Лёньку это похоже. Если он чего в голову себе вобьет... Бутерброды ведь он заставил ее с собой брать на работу, хоть она и на дыбы становилась. Однако ничего, и берет, и кушает. Он приготовит, а она кушает. А теперь... Придется, видно, готовить самой.

Костька собрался восвояси, сообщив, что их семейные разборки его не прикалывают. Сказал, что лучше сходит к Владу и у него стрельнет парочку-тройку. Или к Александру Михайловичу, хотя тот вообще какой-то отстой курит, напоподобие «Примы».

Прискакал Тугрик, соскучившись по хозяину. Константин, прежде чем отправиться на соседкин участок, обещал с ним поиграть, и теперь пес намерен взыскать по долгу. Туг-

рику сюда дозволялось.

Между участками Валерии Буровой и Кузиной тети Любы забор имелся, но чисто условный, добрососедский. И перемахнуть через него Костяну трудов не составляло, а псу не составляло трудов просочиться между рейками штакетника, где они малость расшатались.

Возможно, Лера и возражала бы против таких собачьих визитов, но только для полноценного протеста надо было строить другой забор, высокий и мощный, а ей никогда не хотелось отгородиться бетонной стеной от тети Любы.

Но с двух других сторон основательная ограда имелаась. И Леонид, и Валерия не до такой степени были открыты социуму, чтобы испытывать кайф от его неусыпного ока. Тут вам не театр, и Лёня с Лерой вам не на сцене.

Когда они решили жить вместе, стал вопрос об обустройстве участков, а вернее – одного большого теперь уже совместного участка. Хлипкую ограду, которая раньше отделяла сопряженные территории, споро разобрали воропаевские гвардейцы, заскочившие в Панкратовку на пару часов.

Однако снести свой типовой коттедж из бруса, чтобы вместо него возвести просторный кирпичный особняк с высокой крышей, сверкающей красноватой медью, Валерия не согласилась. Ей слишком нравился ее домик, к тому же Бурова гордилась тем, что деньги на коттеджик заработала сама.

Леонид не стал упираться, а придумал вырыть на свободном пространстве своего бывшего участка пруд и запустить

туда ротанов и карасей, рядом с прудом поставить просторную беседку из сосны и соорудить из природного камня жаровню.

Идея Валерии пришлась по душе, и, когда пруд был вырыт, а беседка возведена, она высадила по берегу водоема несколько ивовых кустов, засеяла лужайку белым клевером и заказала через интернет диван-качели и несколько шезлонгов, которые весьма удачно вписались в интерьер. Понятно, что все эти преобразования не остались незамеченными и разогрели и без того жаркое любопытство соседей. По периметру вырос добротный забор. Однако со стороны тети Любы периметр остался незамкнут.

С появлением у Любови Матвеевны строптивой козы, к тому же прыгучей, как баскетбольный мяч, ситуация обострилась, и Лера начала подумывать, не занять ли все-таки круговую оборону. Но проблема разрешилась сама собой и почти без Лериного участия. Хотя начиналось все трагично.

Майине понравилась ива. Понравилась в прикладном, а не эстетическом смысле. Та самая ива, которая предназначалась Лерой для украшения берегового ландшафта пруда и всего участка в комплексе.

Валерия злилась на козу, злилась на соседей и очень жалела нежное трепетное растение, которое терзала ненасытная скотина, отрывая себе на прокорм целые ветки.

Лера не успела пожаловаться тете Любе на ее животное, поскольку произошел инцидент, напрочь отбивший охоту

Майке даже приближаться к соседскому пруду. В очередной набег, ставший для нее последним, коза решила полакомиться более сочными с ее точки зрения листьями и, не раздумывая, ступила в воду.

Возле берега было совсем неглубоко, козе по колено, но каменисто. Леонид устелил набережную водоема, как надводную, так и подводную полосу, речной галькой, среди которой попадались довольно крупные экземпляры, почти валуны.

Зайдя в воду, Майка вполне ожидаемо застряла копытом в щели между камнями. Подергавшись туда-сюда, принялась истошно блеять.

Когда помощь, в лице Валерии и тети Любы, подоспела, Майка уже основательно измучилась от страха и холода. А потом она схлопотала от тети Любы хворостиной.

Она понимала, что хозяйка ее и пальцем бы не тронула, кабы не злыдня-соседка, перед которой тетя Люба мела хвостом. Но хозяйка решила продемонстрировать, что наказание козу настигло. Так сказать, в качестве извинений и морального для злыдни удовлетворения.

К тете Любе у Майины претензий не возникло, а вот Валерию с тех пор коза всерьез невзлюбила. Однако набег с тех пор закончился, а Лере, говоря по правде, было наплевать, какие чувства к ней питает соседская коза.

Вот Тугрик ей нравится, хотя шалопай и прохвост отменный.

– Салют, крevedко, – фамиллярно поприветствовала она пса, собираясь потрепать его по жесткому загривку.

Однако тот, увернувшись от руки, проскакал по ступенькам крыльца и, не задерживаясь ни секунды на принюхаться и осмотреться, прорвался внутрь дома, зацокав когтями по дощатому полу.

– Сейчас он что-нибудь у тебя стырит, – радостно предрек Костик, а Валерия, охнув, поспешила вслед за Тугриком, рассчитывая пресечь любую попытку хулиганства или кражи.

Однако Тугарин уже мчался на форсаже обратно, держа в клыках что-то небольшое, продолговатое и белесое. Ему такая игра нравится. Сейчас люди начнут за ним гоняться, но двуногим за ним не поспеть!

Хорошо бы добычу в нычку захватить, кладовую пополнить.

У Тугарина было имущество, и это ему было приятно. Он уже владел очечником из синей пластмассы, розовым махровым полотенцем, несколькими разноцветными резиновыми перчатками и одной белой нитяной, детским сдувшимся мячиком и ковриком для компьютерной мыши, который он стянул аж у самого хозяина. Он бы вернул коврик хозяйину, Тугарин не настолько жадный, но необходимость отпала, поскольку Константин принес откуда-то другой, напрасно проискав пропажу по всему дому и не догадавшись заглянуть под дощатый поддон в темном углу цокольного этажа

за ящиками с пустыми стеклянными банками и поленницей дров, приготовленных для растопки.

Тугрик перехватил свою ношу покрепче, малость придушив клыками, и она поддалась, теряя форму, но это несущественно. Главное, добежать в безопасное место, не выпустив добычу из пасти. Потом, в спокойной обстановке, он решит ее судьбу – прибрать ли в кладовочку к прочим сокровищам или от души развлечься, клыками и когтями растерзав на мелкие фрагменты, сурово рыча и подгавкивая. Только делать это нужно подальше от дома, а то тетя Люба, если застукает, устроит вынос мозгов.

Но тут ему на спину обрушилось что-то большое и шуршащее, оказавшееся полупустым рюкзаком, который, не расположенная к Тугриковым шуточкам, Валерия мощным броском запустила в удаляющуюся жесткошерстную спину.

Не ожидавший такого неспортивного поступка Тугарин несолидно припал к земле, процарапав когтями утоптанную дорожку. Прием, который использовали люди, показался ему настолько оскорбительным, что он с обидой выплюнул трофей и, не повернув морды в сторону команды противника, потрусил к штакетнику с видом аристократа, осмеянного чернью.

Валерия со вздохом подобрала с земли рюкзак и измятый флакон с гелем для душа. В ответ на поспешное Костиково «Ну, пока» кивнула в его спину.

Костик ретировался, внезапно вспомнив, что ему еще

нужно искать по соседям сигареты.

Флакону здорово досталось, но гель уж очень был хорош, Валерии было жаль его выбрасывать. Брезгливо держа потерпевшего большим и указательным пальцами, она направилась в душевую отмывать от собачьих слюней средство личной гигиены.

Под струей воды флакон стал чистым, но уже не таким гламурным.

Лере сделалось обидно. Этот гель она специально покупала для себя, и не в каждом магазине его можно было приобрести, и не в каждой аптеке. И недешевый он был, кстати говоря. Это Воропаеву без разницы, ему хоть бы и с банным мылом душ принимать, хоть бы и с хозяйственным.

Повздыхав недовольно, она включила обогреватель, подготавливаясь к вечерним водным процедурам, скинула одежду, забралась в душевую кабину, задвинув за собой дверь.

Зажмурилась от удовольствия, когда на уставшее тело упали мягкие струи воды. Отвинтила крышечку с флакона, выдавила нежно-розовую прозрачную лужицу на ладонь, стараясь не перелить через край.

И застыла. И оторопела. И прошипела:

– А душ принимать он тоже хочет меня отучить?

Лера взяла влево и остановилась на обочине МКАД, не обратив внимания на возмущенные вопли клаксонов промчавшихся мимо авто. Опустила голову на оплетку руля. Эк

ее разобрало. Она давно не рыдала. Наверное, с папиных похорон.

Когда умер папа, ее сердце рвалось от горя, и поток слез захлестывал горько-сладким болезненным упоением.

Лере тогда было уже достаточно лет, чтобы понимать, что такое «умер». И что такое «умер папа».

Через два года, когда ей исполнилось тринадцать, в их доме появился отчим по имени Николай, и они друг друга не замечали. Только Лера тоскливо спрашивала себя, зачем матери сдался этот «пиджак».

Со временем «пиджак» освоился и вполне охамел, и у него появилось обыкновение мучить мать внезапными придирами с последующей бранью на нецензурном языке. Выступал без особой причины, хотя какая-то глубинная причина у него, конечно же, была.

Он мог уже накаленным прийти с работы, но чаще начинал концерт позже, где-то посреди ужина. С застывшей на губах полуулыбкой и мертвыми глазами он внезапно отбрасывал ложку и вместе со стулом выезжал из-за стола. Подскочив резко, как на пружинках, принимался мотаться из стороны в сторону по комнате, в которой теперь было принято совершать обряд приема пищи.

Раньше, когда они жили с мамой вдвоем, ели, конечно же, на кухне.

Отчим Николай заявил, что не желает ужинать рядом с мусорным ведром, и с тех пор ежевечерне, а по выходным

и по несколько раз, мать бегала с подносом по тесному коридору квартиры, накрывая стол в проходной комнате, ставшей теперь чем-то вроде гостиной. Завтрак на том же подносе мать таскала ему в постель.

На все это смотреть было тошно и стыдно, Лера замкнулась. Она могла позволить себе такую роскошь – замкнуться, а вот мама этого была лишена.

Маму ей было жалко.

Лера все думала: «Зачем?!», а потом поняла – из-за нее, из-за Леры. Иначе им не выжить. Зарплата инженера в начале 90-х была смехотворно мала, пособие по утрате кормильца и того меньше, а инфляция каменной лавиной стремительно поглощала эти крохи.

Лера, как все дети в ее положении, мечтала быстрее вырасти и устроиться на работу, и получать большие деньги, и выгнать мерзавца, который изводит ее мать.

А пока молча терпела. Терпела даже когда он выкрикивал в мамин адрес матерную брань, возмущаясь тем, что она второй день подряд подает гороховый суп, или что недосолила картошку, или купила желтые салфетки вместо его любимых голубых, а желтый цвет он просто ненавидит, и сколько раз он говорил, и просил, и это все невыносимо, невыносимо!.. И сколько можно терпеть!..

Мать при этом как бы выключалась, выходя из реальности, и продолжала хлебать остывший суп с отрешенной маской на лице, а он распалялся все больше, а потом, на ходу

отбрасывая стулья и норовя скинуть с тумбочки всякую мелочь, шарахнув дверью, выметался наружу.

Возвращался с пивом или с коньяком, по ситуации. Спиртное его не умирало, и он продолжал бузить, но уже на других оборотах, глумливо-пьяным голосом поминая матери какие-то прошлые грешки, о которых Лере слышать совсем не хотелось. И как она полагала, матери тоже.

Потом настал момент, когда Лера не вытерпела и сорвалась.

В начале его очередного заскока она вскочила из-за стола и принялась вопить, чтобы тот заткнулся, раз и навсегда заткнулся, потому что у нее сил не осталось больше слышать, как он изводит мать, и потому что она не желает больше быть этому свидетелем и участником. Вопила свирепо, каким-то чужим, незнакомым голосом, отдавая себе отчет, что готова ударить сволочь любым тяжелым предметом, который только окажется у нее в руках. Наотмашь и со всей силы.

Видимо, отчим Николай это усек и испуганно заткнулся. Потом зыркнул ненавидяще на мать и лживым голосом произнес, обращаясь к Валерии:

– Ладно, ладно... Я же любя...

А мать подняла голову от супа и отчеканила:

– Ты как смеешь так с Николаем Ильичом разговаривать, дрянь?

Тогда Лере было шестнадцать. В восемнадцать она устроилась на работу и сняла на двоих с девчонкой из Талдома

комнату у одинокой бабушки-пенсионерки. А потом она все делала сама, и держалась на плаву только сама, не рассчитывая на помощь и поддержку. Ни на чью и никогда.

И никогда не считала одиночество трагедией. Это не трагедия, а свобода. Поспешное первое замужество и последовавший за ним скоропалительный развод лишь укрепили Леру в этом мнении.

А потом ей повстречался Лёнька, и она вспомнила, как это сладко – быть маленькой девочкой на попечении сильного мужика.

Лёнька был старше Леры всего на два года, но тем не менее он был значительно старше ее. Потому что тут же принял на себя ее проблемы и захотел быть щитом от любой беды. И опекать, и бдить, чтобы не наделала глупостей, и вникать в мелочи ее, Лериной, жизни, желая предупредить все ее ошибки и просчеты. И защищать от врагов.

Так ей казалось. Так ей хотелось верить.

Она слушала, что резким надтреснутым голосом высказывает ей мать, едва разжимая бледные губы, и до нее все никак не доходил смысл услышанного.

Лера поначалу решила, что маму не поняла. Или что Леру не поняла мама. Но ночью она подслушала, как та, пресмыкаясь перед своим подонком, говорила:

– Но, Коленька! Я полностью с тобой согласна, она невменяемая, но что я могу поделать, радость моя?! Придется терпеть... Ей половина квартиры принадлежит... Давай, ты от-

пишешь ей свои метры в коммуналке, в той дыре жить все равно невозможно. А отсюда мы ее потом через суд выпишем, хочешь?

Отчим Николай вновь разразился грязной бранью, и обзывал мать такой-то дурой, и захлебывался от злого возмущения, ярясь и сипло вопрошая, какое право та имеет распорядиться его жилплощадью, и Лерина мать суетливо заверяла его, что он ее не так понял и что все будет, как он захочет.

Лера дослушала сцену до конца, нисколько не чувствуя угрызений совести или стыда. Ни одной слезинки тогда не выкатилось из ее глаз. Она не возненавидела мать. Все было хуже. Она стала ее презирать. И если Лере и было стыдно, то лишь перед покойным папой. За ныне здравствующую мать.

Сейчас ее глаза были также сухи. Но как же ей больно!..

Лёнька, незаметно ставший для нее самым главным человеком в жизни, не просто предал ее, как предала в юности мать. Муж оказался подонком. Бессердечным, циничным негодяем.

Муж наспиговал ее сигареты и гель какой-то дрянью. Ядовитой дрянью, завезенной из индийских джунглей. Или из латиноамериканских. Или африканских экваториальных лесов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.